

Казанцев Н. В.

ПРОТИВ ТЕЧЕНИЯ

ТОМ 2

РОССИЯ ДЕРЖАВНАЯ

Россия державная

Николай Казанцев

Против течения. Том 2

«Алгоритм»

около 1890 г.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

Казанцев Н. В.

Против течения. Том 2 / Н. В. Казанцев — «Алгоритм», около 1890 г. — (Россия державная)

ISBN 978-5-486-03970-6

Николай Владимирович Казанцев (1849–1904) – русский писатель, драматург. Родился в купеческой семье. Учился в екатеринбургской гимназии. В 1870-х гг. пошел «в народ» и основал своеобразную колонию в киргизских степях около Петропавловска. Позднее переселился в Екатеринбург и открыл Публичную библиотеку. Большая часть его повестей и рассказов, преимущественно посвященных Уралу, издана в 1898 г. Написал также ряд драматических пьес. Некоторые из них, например «Всякому свое», шли на сцене в Москве и Санкт-Петербурге. Публикуемый на страницах данного двухтомника роман «Против течения» всеохватно и образно запечатлел жизнь допетровской Руси – патриархальность боярских вотчин, народный быт, еще полный обрядовой прелести и единения с природой, безудержность жигулевской воровской вольницы и вместе с тем проникновение в общество прогрессивных веяний, идущих «против течения»... Особое место отведено здесь теме бунта казаков Степана Разина, своеобразный облик, дикий нрав, необузданность натуры которого находят выражение в ряде ярких эпизодов. Самостоятельной ценностью обладает язык романа – колоритный, наполненный отжившими ныне выражениями и интонациями.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-486-03970-6

© Казанцев Н. В., около 1890 г.

© Алгоритм, около 1890 г.

Содержание

Часть III. Разгром	7
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Н. В. Казанцев
Против течения. Том 2

© ООО ТД «Издательство Мир книги», 2011

© ООО «РИЦ Литература», 2011

* * *

Часть III. Разгром

I

В степи, на том месте где Дон, делая крутые повороты и резко спускаясь на юг, близко подходит к Волге, повыше Царицына, в недалеком расстоянии от Волги, заметно было сильное движение. До семи тысяч человек конных и пеших казаков заняты были трудною работою: они волокли струги с Дона к Волге. Некоторые струги везли на лошадях, другие тащили на себе казаки. Трудна была их работа, но дорого окупится: казаки знали это и потому не жаловались на трудность, а спешили поскорее добраться до берега матушки-кормилицы Волги. Среди стругов ясно обозначались два крытых. Один из них был обит красным, а другой черным бархатом. Казаки заканчивали отделку стругов и приготавливались их также волочить к Волге. Как муравьи сновали казаки по степи, только и виднелись их высокие черные шапки. Они работали посменно. Одна половина работала, другая отдыхала, и спешная их работа не прерывалась день и ночь. В стороне от рабочих, среди только что начинавшей зеленеть степи, был наскоро разостлан ковер и на нем сидели Разин, брат его Фролка, Алексей Каторжный, Шелудяк, Черноярц, Еремеев и Кузьмин. Они рассуждали между собою. Это был атаманский круг.

– Так ты, Арсентий Михайлович, согласен со мной, думаешь, это будет лучше? – говорил Разин.

– Да, Степан Тимофеевич, я думаю так потому, что наш народ верует в Бога, а следовательно, уважает царей и патриархов. Ты вспомни об Отрепьеве: достиг ли бы он престола, если бы не назвался Димитрием?

– Это так. Но то был неизвестный, Отрепьев-то, а наш атаман известен всей России, – отвечал Черноярц.

– Но тогда он будет защитником престола и веры, а это много значит в глазах народа, – отвечал Кузьмин.

– Решено, пусть будет так, пойдем смотреть струги.

В это время Иван Терский, верхом на лошади, сильно взмыленной, подскакал к кругу. Видно было, что он проехал довольно много, прежде чем очутился перед ковром, на котором заседал казачий совет.

– Что, какие вести? – спросил Разин.

– Василий Ус тебе, атаман, шлет поклон низкий, – сказал Терский, спрыгнув с лошади. – Он сам идет за мной следом с двумя тысячами войска. Сегодня, чай, перед вечером, он с передним отрядом будет здесь.

– Спасибо за добрую весть, – отвечал Разин. – Пригласил бы я тебя с дороги на радостях выпить, кабы был в другом месте, но здесь у нас идет спешная работа и пить нельзя – до Царицына зарок. Что, атаманы! – продолжал Разин, обращаясь к казакам. – Не говорил ли я, что Ус сам придет к нам, – так и вышло.

– Верно! – поддержал Шелудяк.

Разин встал.

– Конец кругу, – сказал он, – скорее к делу, по местам, атаманы. А я с Черноярцем, да вот с боярином-то, – добавил он, кивнув головой на Кузьмина, – пойду струги царские да патриаршие глядеть.

– Они готовы, – отвечал Кузьмин.

– Посмотрим, боярин, – сказал Разин.

– Скоро ли Самару возьмем? – спросил Кузьмин.

– Наш-то боярич уж Самару громить собирается, – засмеялся Шелудяк. – Прежде Царицын да низовые города возьми, боярич, а потом ступай уж к Самаре.

– Что ж, когда Самару брать будем, ему начальствовать поручим, – отвечал Разин.

Глаза Кузьмина засверкали.

– И сослужу тебе верой и правдой, Степан Тимофеевич! – поклялся он.

Разин с Черноморцем и Кузьминым пошли к тому месту, где виднелись красный и черный струги. Струги стояли. Несколько казаков оканчивали внизу прибойку. Неподалеку от струга, обшитого красным бархатом, сидел мальчик лет пятнадцати, тип лица которого выдавал кавказское происхождение. Он был довольно красив. Черные его глаза блестели удалством и отвагой. Он был одет по-казацки, но черные волосы не были украшены чубом, а длинными прядями падали по плечам.

– Здорово, царевич Алексей Алексеевич! – приветствовал Разин. – Пора тебе нарядиться в твое царское платье и скинуть твой казачий наряд, скоро ты засядешь в эту клетку, – добавил он, указывая на красный струг.

Мальчик поглядел на Разина с удивлением.

– Что смотришь? Отныне ты не Якуб-бек, а князь Алексей Алексеевич, сын русского царя. Черноморец, исполни сегодня же приговор атаманского круга, и чтобы с сего же дня казаки отдавали Якубу честь, как царевичу, и не называли более Якубом-беком. Да лучше всего не показывать его народу без моего приказа, чтобы не наглупил чего. Тебе, Арсентий, поручаю уж и одеть и водворить на струге нового царевича: ты бывал в Москве и видел их наряды и обычаи, присмотри сам, на других не надейся.

– Все сделаю, как нужно, Степан Тимофеевич, – отвечал Кузьмин.

– Ну а струги, как положено – царские, – сказал Разин.

– Да правду сказать, нам не очень нужно, чтобы они уж и впрямь походили на царские, – это не для тех, кто видел царя; бояре-то не поверят, да и не нужно, казаки-то свои люди – знают это, а для дикарей-то и так сойдет, – отвечал Кузьмин.

– Верно сказано, – подтвердил Черноморец.

– А вот и патриарший струг, – сказал Кузьмин, подходя к стругу, обитому черным бархатом.

– Ага! Все уж кончено дело. Молодец, Арсентий! Люблю за расторопность, – отвечал Разин. – Да вот и светлейший патриарх Никон.

Из-за струга показался старик, не то поп, не то монах, в черной рясе, с седыми длинными волосами на голове и длинной седой – клином – бородой.

– Да, уютное гнездышко мне устроили, Степан Тимофеевич, – сказал старик с поклоном.

– На то ты и патриарх, – сказал Разин и захохотал.

– Ну-ко, отче, научился, что ли, крестить народ обеими руками? Окрести-ка нас, – сказал Черноморец.

Старик поднял обе руки и стал крестить тихо и осанисто, потупя глаза в землю.

Собравшиеся казаки хохотали.

– Чем не Никон? – сказал Кузьмин. – И повадку от него принял.

– Видал тоже и архиереев и патриархов, – отвечал старик.

– Гуляй до Волги, – сказал Разин, – а там в свой струг – и нишкни. Показывайся народу только когда велю – слышишь!

– Ну, теперь трогай! – скомандовал Разин казакам.

Потом пошли к другим стругам, казаки работали изо всей силы, волоча струги.

– Работайте, детки, работайте! – говорил Разин. – В Царицыне отдохнем. Ну-ко, я вам пособлю. – И он взялся за канат.

К вечеру того же дня в виду казаков, с северной стороны, показалась кучка всадников. Впереди несся лихой наездник на превосходном вороном коне.

– Ус! Ус едет! – раздались крики казаков.

Разину подали уж его коня, и он отправился навстречу сво-ему товарищу в сопровождении своих есаулов и старшин.

Предводитель низовой вольницы и предводитель воронежской вольницы встретились неподалеку от того места, где тянулись струги.

Первым спрыгнул с лошади Ус. Это был человек лет пятидесяти. Огромный рост и широкие плечи доказывали в нем необычайную силу. Седые усы длинными прядями падали на могучую грудь. Глаза угрюмо смотрели из-под густых седых и длинных бровей. Суров и страшен на вид был этот повелитель лесной вольницы. Он был одет в казакин грубого сукна, и вообще наряд его не отличался богатством: он был даже беден в сравнении с нарядом казаков Разина. Рядом с ним был его есаул Топоров. Есаул был одних лет с атаманом, а на вид был еще суровее его. Глубокая шапка, надвинутая на брови, скрывала то, что ушей у есаула не было: они остались в одном из губных приказов. Два пальца правой руки были обрублены в среднем суставе, и два заскорузлых отрубка и знак, выжженный железом, показывали, что человек этот имел за время своей жизни неоднократное знакомство с губным приказом.

Вслед за Усом соскочил с лошади и Разин, а за ним и его есаулы.

– Ты, Ус? – спросил Разин.

– Я! А это ты будешь Степан Тимофеевич? – отвечал Ус.

– Нечего и спрашивать нам друг друга, – перебил Разин. – Давай закурим люльки, атаман.

– Давай.

Закурили. Разин мерил глазами Уса, а тот Разина.

– Ну, хочешь с нами заодно воевать, на низовые города и на Москву идти?

– Затем и пришел, – отвечал Ус.

– А много ли привел?

– Да тысячи две наберется.

– Ну, жалую тебя моим первым есаулом, – сказал Разин. – Будь моим помощником во всех делах, каким был у меня Сергей Кривой.

– Боярин и ты, Черноярец, ведите новичков к своим казакам, пусть узнают друг друга, – добавил он, обращаясь к своему есаулу Черноярцу и Кузьмину.

Два великих потока слились в один; два разбойника, мор-ской и лесной, заключили союз; две шайки вольницы слились в одну, на страх и гибель тысячам людей.

II

Грустно и тяжело было Александру, когда он приехал в Самару. Какое-то предчувствие, что-то недоброе овладело им.

Он не остановился у воеводы, как в прошлый раз. После отказа Ольги ехать к Алфимову он считал не совсем удобным. Он остановился у своего родственника Ильи Васильевича Сомова. Старик жил один в своем доме, выстроенном неподалеку от дома воеводы. Домик его был небольшой, но для одинокого старика и он был обширен. У Сомова было много прислуги и мужской и женской. Впрочем, последняя не показывалась гостям и находилась в особых сенях, под надзором старой, дородной ключницы. Старик был богат, но скуп, что, впрочем, не мешало ему убрать парадную деловую избу очень богато и кормить обедами самарских властей. Он был дружен со всеми властями Самарского округа, часто приглашал их и сам ездил к ним, платил поминки исправно, за что все власти любили и уважали Сомова и готовы были при случае также угодить ему.

Он принял Александра очень любезно, отвел ему свою деловую избу, убранную мягкими тюфяками. Накормил его отличным обедом и не отходил от него, разговаривая о предстоящем походе.

– И ты, боярин, соглашаешься ехать под начальством какого-то Лопатина? – удивлялся он.

– Отчего же не ехать? – отвечал Александр.

– Да ведь он не знатного рода, бог весть кто был его отец. Нехорошо, боярин, делаешь.

– Так что же будешь делать, когда назначено так.

– Не ездить, да и только, как наши-то старики, бояре, голову на плаху клали, а прорухи своему роду не делали! – говорил с жаром Сомов.

Спорить со стариком было бесполезно.

– Теперь война, – сказал Александр, – и не время думать о сословной спеси.

– Признаться, Александр Сергеевич, ты сам всему виной. Кабы прошлый год ты не повздорил с астраханским и царицынским воеводами, то теперь бы начальником рати плыл, – говорил старик.

– Иначе – дал бы им поминки, – шутя отвечал Александр.

– Ну, хоть бы и так. Не ты первый, не ты – последний; не тобой началось – не тобой и кончится.

– А быть может, и мной кончится? – продолжал отшучиваться Александр.

– Ты все шутишь, – сказал старик. – А скажи-ка, что ты в Астрахани будешь делать? Стеньку встречать да провожать, как прошлый раз? – поддел он.

– Нет, Илья Васильевич, нынешний раз будет не то: я предвижу что-то недоброе на свою голову. Прошлый год астраханские воеводы выпустили Стеньку. Не затем он поход собирает, чтобы поспрашивать в Астрахани. Вот посмотри, будет гадкое дело, да, Бог милостив, может быть, помощь поспеет вовремя.

– Эх, мало ли смут казачьих было, – сказал старик, – и теперь то же будет. Пограбит Стенька суда на Волге и уйдет опять в Хвалынь.

– Хорошо, если в Хвалынь, а если он пойдет вверх по Волге? От него всего можно ожидать, – сказал Александр.

Старик рассмеялся.

– Не на Москву же, в самом деле, он пойдет, – заключил он.

К вечеру в Самару приехал Лопатин с московскими стрельцами. Это был немолодой уже человек, суровый на вид и такой же на деле.

На другой день поутру Александр уехал. Лопатин торопился и пробыл в Самаре одну ночь.

Вот Александр вновь на Волге. Он вновь плывет по ее тихим и спокойным водам, вновь глядит на синие волны своей любимицы; но теперь уже не то: он рассматривает Волгу, а не просто любуется ею. Внимательно записывает все ее изгибы и повороты, глубину фарватера, положение берегов. Он чертит карту Волги. Чем дальше они плыли, тем более ощутимой становилась весна. Разлив Волги еще не совсем кончился. Хороша и величественна Волга во всякое время года, но она еще лучше, еще величественнее во время весны, когда ее воды не вошли еще в фарватер и, затопив луговой берег, разлились на громадное пространство.

Днем и ночью Александр стоял наверху и глядел на Волгу...

Если бы взор его мог проникнуть вдаль, то увидел бы в том месте, где Волга, разветвляясь на несколько протоков, разбежалась на широком пространстве, среди степи, по берегу небольшой речки Царицы, протекающей по глубокому оврагу, стоит город Царицын, окруженный земляным валом. На валу – стража из царицынских стрельцов. Ворота города крепко заперты. На Волге, против города, стоят струги донской вольницы. С суши окружают Царицын отряды казацкой конницы и пехоты. Они кучками расположились вокруг города, неподалеку от городских стен. А в тридцати верстах от города, в степи, бегут степные калмыки. Они в беспорядке спешат дальше в степь. Мужчины едут верхом на небольших, коренастых и поджарых лошадях. Женщины и дети на двугорбых верблюдах. За ними гонится отряд конных каза-

ков. Невелик казачий отряд, но казаки вооружены с ног до головы, их длинношеии, высокие сильные донцы, привыкшие к своим вооруженным всадникам, слушаются их малейшего движения и то скромно стоят, опустя головы под выстрелами, то, высоко подняв голову, как молния несутся по полю. Впереди отряда скакал сам Разин. Он на лихом сером персидском аргамаке, резко отличавшемся своими красивыми формами от длинношеих, неуклюжих, высоких донцов. Кругом море травянистой степи.

– Стой! – командует Разин, поправляя свою высокую шапку. – Не для того мы ехали, чтобы гоняться за глупыми трусами-калмычатами, попугали их, прогнали – и довольно. Валяй к Царицыну! Теперь калмыкам будет перепугу, теперь они не придут помогать в Царицын, гони туда баранов и быков на обед казачеству. – И казачий отряд повернул обратно к Царицыну, захватя на пути стада быков и баранов.

В самом городе Царицыне, в воеводских хоромах, сидит царицынский воевода Тимофей Васильевич Тургенев, человек лет сорока пяти, с умным, загорелым на солнце лицом. Он одет в свои боевые доспехи. Сейчас только он возвратился со стен города, где расставлял новые караулы и поручил руководство прибывшему из Астрахани сотнику Богданову. Лицо его выражает не страх, но сильное утомление: вот уже с неделю продолжается осада, и в эту неделю он не знал ни покоя, ни сна. Он грустно задумался, облокотясь на стол. Перед ним сидит помощник воеводы, его племянник Николай Тургенев – молодой человек лет двадцати трех, с густыми, белокурыми волосами и едва пробивающимися усиками и бородкой. На лице молодого человека также написано сильное утомление.

– Скоро ли помощь будет сверху? – говорит воевода. – Если, чего не дай Бог, запоздает – мы погибли.

– Плохо, дядюшка, – отвечал племянник. – Еще благодаря валу и помощи прибывших из Астрахани стрельцов можно бы отстоять город, но жители сильно предубеждены против тебя, и я боюсь измены.

– И что я им сделал? – вздохнул Тимофей Васильевич. – Я ведь недавно приехал сюда. Всему злу виновник мой предшественник Унковский. Он настроил против себя жителей, вот они и думают, что все воеводы таковы. Боярин Матвеев говорил мне: «Исправь ошибку Унковского, не будь таким, как он». И я ехал было сюда в полной уверенности со временем исправить вековое зло, заставить жителей иначе думать о воеводе, но как быть, знать, Богу было не угодно! Не успел оглядеться, как Стенька нагрязнул, ну, теперь и должен расплачиваться за старые грехи прежнего воеводы.

– Да, дядя, ужас, что говорят про Унковского! – подтвердил молодой человек. – Я не знаю, как терпели его так долго на воеводстве, как это боярин Матвеев не знал об этом?

– Да где же взять-то лучше?

– Как где? Мало ли ныне из немецкой земли молодых людей воротилось, из науки. Вот хоть я, вот Александр Артамонов, Юрий Барятинский, да мало ли кто: назначай нас, мы иначе поведем дело. – И глаза молодого человека заблестели.

– Мы и ехали было с тем сюда, да Бог, видно, не приведет сделать доброго дела, мы должны погибнуть. Благодарю Бога, – сказал воевода, перекрестясь на иконы, – что я не взял сюда семью: она хоть спокойна в Москве.

На дворе раздался шум, и в комнату вошел стрелецкий пятидесятник Крылов.

– Беда, боярин. Жители взбунтовались, стрельцы пристали к ним, ворота отперты. Богданов убит.

– Все пропало! – вскрикнул воевода – За мной, Николай! Умрем в честном бою.

На улице Царицына шум и смятение, ворота отперты. Казаки идут в город. Воевода вышел к стрельцам, сторожившим башню.

– Поборемся, братцы! – говорил он. – Изменники сдали город, запремся в башню. Будем там ждать помощи. Покуда хоть один шаг занят нами, город не весь взят. За мной, в башню!

Но только пятидесятник с десятью стрельцами, тремя холопами воеводы и тремя посадскими последовали за воеводой и племянником в башню. Остальные остались на улице.

Башня была укреплена, но силы защитников были ничтожны; тем не менее Тургенева решили умереть, но не сдаваться.

Сквозь окошко бойницы башни защитники смотрели на город. Там по улицам ходят казаки и вместе с жителями и стрельцами грабят воеводские хоромы. Все кабаки открыты, дны бочек выбиты, вино льется рекой. У городских ворот лежат трупы защитников, их очень мало – между ними виден труп Богданова.

Но вот раздался звон в городском соборе, на паперть собора выходит городской протопоп с крестом в руках, за ним два священника, дьякон и дьячки, все в полном облачении, за ними толпой валит народ. Они направляются к городским воротам.

В ворота въезжают Разин, с ним Васька Ус и другие есаулы и старшины. Протопоп и духовенство идут к нему навстречу.

– Вы зачем здесь, попы? – спрашивает Разин.

– Встретить нашего освободителя с честью, как подобает, – отвечает с поклоном протопоп.

– Ну, спасибо, снимайте ризы-то да в гости ко мне на воеводский двор.

Тихо вокруг башни, где заперлись верные Тургенева с гор-стью людей; зато в доме воеводы идет попойка. Царицынцы угощают казаков и их атамана; из дома несется шум и гам.

– Воеводу Унковского сюда! – кричит опьяневший Разин.

– Унковского нет, здесь другой уж воевода, – докладывает ему новый казак Дружинин, из царицынцев.

– Ну, все они равны. Подайте воеводу! – гремит Разин.

– Воевода заперся в башне, – отвечают ему.

– Ну, взять башню – эка невидаль. Города брал, перед башней не спасую, – говорит, бросая страшные взгляды, Разин.

Казаки идут на приступ, впереди несут бревно, чтобы отбить двери башни. Тургенева приготовились к защите.

– Взять! – слышится лаконичный приказ Разина.

– В Разина надо палить, – говорит молодой Тургенев, прицеливаясь сквозь оконце, но пуля пролетает мимо. Разин даже не оглянулся, когда она прожужжала мимо него.

– Ага! Вы стрелять, и мы стрелять, стреляй в окна! Пали! – раздается его приказ.

В окна и бойницы башни посыпались пули, Крылова и еще трех защитников не стало.

Дверь выбита.

– Сдавайтесь! – бешено кричал Черноярец, вламываясь в дверь.

– Мы умрем, а не сдадимся! – отвечал молодой Тургенев, посылая в казаков пули из своего мушкета.

Вот отбивают последние двери башни. Много казаков и стрельцов лежат на лестницах и около башни, но мало и ее защитников: пятеро убиты, трое ранены, осталось десять человек.

– Умрем, братцы! – говорит воевода.

– Умрем, но не сдадимся, – в один голос отвечают защитники.

Последний залп – и защитники башни дерутся с казаками рукопашную.

Воевода кидается вперед, но он ранен, его схватили, Николай Тургенев бросается на казаков и освобождает дядю. Но свобода лишь на миг.

Из бойцов осталось четверо: молодой Тургенев и три стрельца, остальные ранены и убиты.

Но вот грянул выстрел – и молодой Тургенев повалился.

Казак бросается на него, но ударом кинжала лежащий Тургенев сваливает казака.

Но есть всему предел, и как ни отчаянно сражались защитники, но они уступили силе.

Воеводу, его племянника и трех стрельцов живых взяли в плен, связали и отправили в стан. По приезде в стан молодой Тургенев умер.

На другой день, рано поутру, в доме воеводы собрался военный совет Разина.

В небольшой палате воеводских хором, где накануне этого дня сидел воевода с своим племянником, за пустым столом уселись казацки атаманы. Шел совет-круг, а во время совета вино не допускалось.

Развалиясь на лавке и заложив руки за пояс, восседал Разин. Около него на первом месте сидели Васька Ус, Шелудяк, Алешка Каторжный, Фрол Разин и Кузьмин. Дальше к дверям расположились есаул Уса – Топоров и сотник Харитонов, Савельев и Терский и перебежавший царицынец Дружинин. Черноярца не было – он послан был на разведку.

– Ну, круг, решай по казацкому обычаю, что теперь делать? – говорил Разин.

– Плыть против течения по Волге, захватить Саратов, Самару, Симбирск и идти на Москву, – предложил Кузьмин.

– Не дело, – отвечал Ус, – позади нас будет невзятая Астрахань, нужно прежде ее взять.

– Есаул говорит правду, – сказал Шелудяк.

– На Москву бы лучше, – подтвердил Каторжный.

– Нет, надо прежде Астрахань взять, – сказал снова Ус.

– Правда, взять Астрахань и идти потом вверх, – решил Разин. – А покуда мы будем брать Астрахань, ты, боярин, возьми Камышин, – обратился он к Кузьмину. – Коли возьмешь его удачно – и Самару брать тебе поручу.

– Сегодня же отправлюсь на Камышин, – отвечал Кузьмин.

– Теперь о воеводе и пленных речь, – сказал Шелудяк.

– Воеводу провести на веревке по улицам и утопить в реке, а дорогой пусть над ним потешаются царицынцы, кому есть охота, а прочих пленных оставить. Молодцы ребята, хорошо дрались, быть может, к нам пойдут, – решил Разин.

– И воеводу-то бы к нам перетянуть, – сказал Еремеев.

– Нет, это дудки, стар он, чтобы переменять службу, – отвечал Разин. – Ну, конец совету.

– Гей, вина!

Казак Болдырь принес вина.

Вошел Черноярца. Все бросились к нему с расспросами.

– Вести хороши и дурны, – сказал Черноярца. – Я по дороге захватил суда, шедшие из Москвы в Астрахань с хлебом и товаром, а что всего лучше – с ратными запасами. О рати я узнал наверное: рать из Москвы идет в Астрахань и дня через два будет здесь. Идут на стругах сот восемь стрельцов московских, с головой и сотниками московскими.

– За дело, атаманы. Прежде чем занимать Астрахань, мы разделаемся с московскими стрельцами, – сказал Разин. – Я с Черноярцем пойду на стругах, ты, Вася, иди с конницей берегом. Степка Дружинин тебя проводит. Ты, Шелудяк, и ты, Алексей, останьтесь в городе и ударьте на стрельцов, если они дойдут до Царицына. Воеводу сейчас же порешить.

Отряды вольницы выступили в поход.

– Зачем нас покидаешь, Степан Тимофеевич? – говорили царицынцы.

– Он едет на рать, что изменники-бояре выслали против нас, – отвечали им казаки.

На улице шумит толпа народа и направляется к Волге. По-среди толпы тащат связанного воеводу Тургенева. Он истерзан и почти без чувств. Три казака тащат его за веревку, повязанную поперек тела, а царицынцы толкают сзади и пинают ногами несчастного страдальца. Но вот и берег. Воеводу связанного бросают в Волгу. Кончились его страдания. Толпа стоит на берегу и глядит на круги воды, разбежавшиеся в том месте, где утоплен воевода.

Без всяких приключений струги Лопатина миновали Саратов, недалеко уж осталось и до Царицына. Наступил май месяц.

Взошло солнце. Был час седьмой утра. Александр стоял на носу струга и, по обыкновению, смотрел на Волгу, обращаясь по временам с вопросами к кормчему.

– Вот теперь, боярин, пойдет Ахтуба, она идет рядом с Волгой, – объяснял кормчий. – А вот подальше-то – Болдинский притон.

– Все это нужно мне осмотреть, – сказал Александр и подошел к Лопатину, который стоял посреди струга.

– Что ж, бери лодку и сколько нужно людей, – отвечал Лопатин, выслушав просьбу Александра, – в Царицыне я остановлюсь ненадолго, к утру успевай в Царицын, там я буду ждать тебя.

– Антон, нагоним мы струги до Царицына? – спросил Александр своего кормчего.

– Как не нагнать, боярин, – отвечал кормчий, – теперь струги тихо пойдут, потому мелководье, а нам-то на лодке ехать быстро можно.

В небольшой лодочке с десятью гребцами и восемью стрельцами и Иваном Александр начал свои разведки. Осмотрел начала Ахтубы и Болдинского устья, сделал промеры, набросал заметки и карту на бумаге, осмотрел берега, где предполагалось строить укрепления.

Время прошло за полдень. Александр увлекся и почти не заметил, как начало вечереть: пора было возвращаться.

Ночь в этих широтах быстро сменяет день. Сумерек нет. Как закатится солнце, так и наступает ночь. Оставалось не очень далеко до Царицына. Лодка Александра быстро скользила по тихим волнам. Она обогнала какой-то тяжелый струг; Александр, стоя на носу лодки, весь предался обаянию чудной ночи. Но вот навстречу им плывет лодка, за ней другая. Лодки как будто боятся встречаться и отклоняются в сторону.

– Кто идет? – крикнул кормчий Александра, Антон.

– Свои, – отвечают с лодок. – А вы кто?

– Да ужто не узнал? – крикнул кормчий, узнавший голос пятидесятника Горнова.

Темнота мешала разглядеть проезжих, а близко они не подъезжали.

– Никак Антона, нашего кормчего, голос? – заговорили на лодке.

– Да, мы, я! – кричал Антон. – А я вас давно узнал. Что это вы не признаете, али память у вас отшибло?

– Да, отшибет небось после такой передраги! Ну, да подъезжай, слава богу, что нашли вас, – отвечал Горнов.

– Да говорите же, что случилось? – спросил Александр.

Стрелецкий пятидесятник Горнов перескочил в лодку Александра.

– Ну, боярич, поворачивай скорее опять в Ахтубу, да тише иди, а то беда, – сказал он.

– Да говори скорее!

– Чего говорить-то? Видишь, нас две лодки, ну и все тут, а отряда-то как не бывало.

– Где же он? Где Лопатин?

– Да говорю – все погибли, как есть все, остальные перешли к Стеньке.

– Как, Стенька здесь? – вскрикнул Александр.

– Стало, здесь, коль весь отряд ухнул. Да рассказать-то успею, а поворачивай-ка скорее в Ахтубу, а то плохо будет; и мы-то ушли благодаря ночи.

Накренились лодки от быстрого поворота, и, работая изо всех сил веслами, все три поплыли обратно вверх по Волге. Пройдя с полверсты, они встретили обогнанный струг.

– Стой! – крикнул Александр.

На струге поднялась тревога.

– Не троньте! Не то уьем! – крикнули оттуда.

– Мы не разбойники, а московские стрельцы, – отвечал кормчий, – а вы идете прямо на разбойников, поворачивайте назад.

Струг остановился, и от него отделилась лодочка с двумя гребцами для переговоров.

Уверившись, что это действительно стрельцы, и услышав от них страшную весть, хозяин струга, промышленник Павел Дубенский, поплыл за ними в Ахтубу.

Когда перебрались в Ахтубу и миновала ежеминутная опасность, Александр велел остановиться и собрал совет из пятидесятника Горнова, хозяина струга Дубенского и всех стрельцов.

Прежде выслушали рассказ Горнова.

– Шли мы, – начал он, – до Царицына, каких-нибудь версты четыре оставалось, уж, почитай, и Царицын-то видать было. Глядим, едут ближе к левому берегу струги. Думаем, что это такое? Сам Лопатин вышел, смотрит. Вдруг со стругов начали палить, мы начали тоже стрелять и держать ближе к правому берегу. С версту эдак палили, а струги-то позади нас все держат левее. Да вот как доехали до овражка-то, вдруг залп ружей из сотни или больше. Глядь, в овраге конные казаки стоят да в нас палят. Мы стали работать веслами изо всей силы. Догадались тут, что это сила Разина. В Царицын, думаем, придем, там управимся. Так и ехали вплоть до Царицына, а в нас с обеих концов, крест-накрест, стреляют. Подъезжаем к Царицыну, вот вал виден, а с вала-то в нас из пушек.

– Ну, стало быть, Царицын взят, – говорит Лопатин.

– Тут уж не помню хорошенько, что было: со стругов в нас палят, с берега палят, из города палят. Беда, да и только. Струги испортили, много народу побили. Лопатин хотел повернуть обратно – струги не пускают. Часа полтора под самым Царицыном бились: хотели пройти, да половину побили у нас. Ну уж тут видим, дело плохо, ударили врассыпную. Тут стало вечереть. Мы на лодки да сюда. Много наших перебили, а скоро и стемнело. Мы кое-как, ближе к берегу, камышами прошли.

– А Лопатин где? – спросил Александр.

– Остался на стругах. Не сдамся, говорит. А при нас уж человек сто сдалось.

– Плохо, – сказал Александр, – что делать? Ехать к Лопатину нечего, он, верно, уж погиб.

– Следовало бы ехать обратно, – предложил Горнов, – и дать знать воеводам, да пройти нельзя – там два струга стоят, загородили проход.

– Ехать в Астрахань и скорее сказать Прозоровскому, – предложил Дубенский.

– По-моему, следует ехать обратно и в Астрахань, – сказал Александр. – Ты, Горнов, поезжай вверх, бери охотников, а я поеду в Астрахань – тоже искать добровольцев. Хорошо ли это?

План был одобрен.

Отряд из пятнадцати стрельцов поплыл вверх, под команду Горнова, а Александр с Дубенским и ранеными, которых перенесли на струг, поплыли в Астрахань.

III

На третий день струг и люди дошли до Астрахани.

– Оставайтесь на стругах, а я сразу пойду к воеводе, – сказал Александр своим спутникам, и как только подошли к пристани, он, нимало не медля, выскочил на берег и скорыми шагами пошел к палатам воеводы.

В Астрахани все было по-прежнему. Казалось, ничего не изменилось после отъезда Александра. Пристань была так же оживлена, в городе по-прежнему было движение, но Александр почти ничего не замечал: он торопился к воеводе. В уме его было одно: Разин скоро будет в Астрахани, да порой промелькала другая мысль – «она здесь, она в Астрахани, она тоже в опасности».

Быстрыми шагами взошел он на крыльцо воеводского дома.

– Кого тебе нужно? – остановил тонкий, нерусского наречия голос.

– Воеводу, – отвечал Александр стоящему перед ним офицеру небольшого роста.

– Я, немецкий капитан Шак, только был у воеводы от князя Львова, – сказал офицер. – Он теперь с паном Ивницким делами занят, и Виовский велел мне подождать, пождем вместе.

– Не такое дело, чтобы ждать, – отвечал Александр и пошел дальше; любознательный немец последовал за ним.

– Доложи воеводе, что мне его нужно видеть, и видеть сейчас, – сказал Александр встретившему его в приемной комнате Виовскому.

– Теперь нельзя, боярин, – отвечал Виовский.

– Все можно, когда дело идет о спасении города. Поди и скажи, что Разин взял Царицын и идет сюда.

Виовский побледнел.

– Что ты говоришь, боярич? – прошептал он.

– Я говорю правду, веди меня прямо к воеводе, а то я один пойду. – И Александр пошел по знакомой ему дороге к деловой избе воеводы. Виовский последовал за ним. Дверь избы была заперта. Александр постучался.

– Сказано, не мешать! – послышался сердитый голос воеводы.

– Дело не терпит отлагательства, дело о спасении города! – отвечал Александр.

Дверь отворилась, у входа стоял воевода Прозоровский, а дальше, за столом, над бумагами, сидел пан Ивницкий.

– А, это ты! – сказал воевода, окинув взглядом Александра. – Что, с московскими стрельцами прибыл?

– Московские стрельцы все погибли. Царицын взят казаками, сообщения по Волге прерваны, Разин идет на Астрахань, – залпом проговорил Александр.

Воевода так и остолбенел на месте. Пан Ивницкий, крутивший в то время ус, опустил руки. Оба глядели на страшного вестника.

– Неужели весь отряд погиб? – едва вымолвил воевода.

Александр рассказал все дело.

– Что делать, пан Киприан Карпович? – повернулся воевода к Ивницкому.

– И сообщения прерваны, говоришь ты? – спросил Ивницкий, вставая с своего места и поздоровавшись с Александром.

– Да я, впрочем, послал вверх стрелецкого офицера Горнова с пятнадцатью стрельцами, не знаю, проберутся ли.

– И хорошо сделал, боярин, – отвечал воевода, – что же нам делать?

– Собрать тотчас рать и идти на казаков, – предложил Ивницкий.

– А вот как решит совет. – И воевода начал отдавать приказания.

Сообщив известие воеводе, Александр возвратился к стрельцам, отвел их в приказную избу, где перепуганный страшной вестью дьяк тотчас распорядился о размещении стрельцов, без всяких придинок и формальностей.

– Куда же ты, боярич? – спросил Иван, неся в руках небольшой узелок, заключавший все имущество Александра, оставшееся после царицынского погрома.

– Я и не просил о квартире, не до того теперь, пойдем к Симонову, – отвечал Александр.

На небольшом, со всех сторон окруженном надворными строениями дворе купца Симонова Александр встретил самого хозяина Алексея Симонова и того подкормка, который в прошлом году приезжал к нему на струге с объявлением о нападении разбойников. Последний тотчас узнал его и сказал об этом хозяину. Симонов бросился навстречу Александру.

– Ах, боярин, благодетель мой, вот радость-то! Бог привел свидеться, – говорил он, низко кланяясь Александру.

– Пускай опять на квартиру, – сказал Александр.

– Ах, твоя-то фатера, боярин, занята; у меня в дому-то польский боярин, пан Ивницкий стоит, разве в мою избу изволишь, рад буду, изба просторная, с перегородкой, только народу много, – сыпал словами Симонов.

– Ивницкий! – чуть слышно сказал Александр.

– Да, Ивницкий, польский боярин, о Рождестве еще фатеру нанял. Хороший боярин: платит исправно. При нем много холопей, и дочь с ним живет. Славная боярышня. Да и сам-то боярин твою милость знает, – болтал Симонов. – Да вот и сама боярышня, – добавил он, указывая пальцем на крыльцо своего дома.

Александр обернулся и увидел вышедшую на крыльцо панну Анжелику. Она была одета в русский наряд, который был ей к лицу. Она была прекрасна. Казалось, она еще похорошела за эти три года.

– Да это панна Анжелика, – сказал купец, видя смущение Александра и думая, что он не узнает ее. Но Александр давно узнал, конечно, это была она. Она, которую он горячо любил и которая так жестоко отвергла его, заставив страдать целых три года. Она тоже узнала его.

– Здравствуй, Александр Сергеевич! – сказала она нежным голосом, от которого еще сильнее забилось сердце в груди Александра.

Они поздоровались как старые знакомые, но дальше не находили слов и молча смотрели друг другу в глаза.

– Астрахань в опасности, – сказал наконец Александр.

– Что такое? – спросила Анжелика.

Александр начал рассказывать о взятии Царицына и о разгроме московских стрельцов.

В ворота вошел пан Ивницкий.

– Ты здесь, пан, что же не идешь в хоромы? Милости прошу ко мне, – обратился он к Александру.

– Я зашел было сюда в надежде остановиться, не зная, что квартира занята тобою, пан, – отвечал Александр.

– И хорошо сделал, что зашел, пан, иди за мной, поговорим, а тем временем я pošлю Яна сыскать тебе квартиру. А ты покуда отдохни и закуси, – говорил ласково пан.

Они вошли в большую гостиную палату.

– Ты знаешь, Анжелика, мы в опасности, – сказал пан дочери.

– Да, пан Артамонов передал мне, но я не думаю, что опасность велика. По крайней мере, казаки не возьмут Астрахань, – отвечала Анжелика.

– Это так кажется всем, кто не знает казаков, а я их знаю, и воевода тоже, кажется, знает, – проговорил пан, покачав головою.

– Неужели же в самом деле опасность велика? – приставала к нему Анжелика.

– Нечего обманывать, опасность есть, – сказал пан. – Конечно, все будет зависеть от успеха битвы. Сегодня совет соберется у воеводы, а завтра рать выступит в поход. Давно собирались ее послать, а теперь уж мешкать не будут. Я тоже поеду, – прибавил пан, немного помолчав.

– Ты, отец, едешь? – вскинула голову Анжелика.

– Да, еду. Но что ты это испугалась? Кажется, тебе не в первый раз провожать меня в поход, – сказал пан, взяв за руку дочь и ласково глядя ей в глаза.

– Мне что-то страшно: не ездит, отец, – говорила Анжелика, ласкаясь к отцу.

– Нельзя, Анжелика: я недавно в русской службе, нужно же зарекомендовать себя, – отвечал пан, целуя дочь.

– А я останусь одна, мне страшно, – говорила Анжелика, опустил голову.

– Вот наш старый знакомый останется здесь, и он, в случае опасности, сумеет защитить тебя, – отвечал пан. – Не правда ли, пан Артамонов? – обратился он к Александру.

– Еще бы неправда! Я сочту за честь сделать услугу панне Анжелике, но, вероятно, и меня пошлют в Царицын, – отвечал Александр.

– Нет, назначение уже сделано давно. Едут большею частью иностранцы, русские же офицеры остаются в городе, – отвечал пан.

Дальше разговор как-то не клеился. Анжелика была грустна. Задумчивы были пан и Александр. Пришел Ян и объявил, что квартира готова. Анжелика и пан простились с Александром очень любезно. Последний взял с него слово прийти проводить его завтрашним утром. Александр отправился на свою новую квартиру, находящуюся на одной улице с домом Симона.

Вечером того же дня в доме воеводы князя Прозоровского ярко горели огни. У воеводы был собран совет. У крыльца воеводских хором толпились пристава, холопы воеводы и холопы приехавших на совет сановников Астрахани. Перед крыльцом стоял отряд конных стрельцов.

На городской площади собралась также толпа народа. Как ни старался воевода сохранить в тайне известие о взятии Царицына и разбитии казаками московских стрельцов, народ знал обо всем, и везде было только и речей что про Разина. В толпе виднелись и посадские, и стрельцы, и холопы, и торговые люди.

В хоромах воеводы идет совет, на площади также идут переговоры. Народ стоит кучками. Самая большая кучка столпилась около одного человека, с костылем вместо правой ноги. Бедно одет этот человек, на нем еще и сумка надета, видимо, это нищий. Но чем же он заинтересовал народ? Послушаем, что он говорит.

– Да, братья, не бить и не грабить вас идет Степан Тимофеевич, а освободить от воевод, губных и бояр и дать вам волю казацкую, – говорит он собравшемуся люду.

– Это верно, – отвечает один посадский, – обид мы от Степана Тимофеевича и от его казаков в прошлую осень не видали.

– Какие обиды! – говорил посадский Прохоров. – Я и до сего времени молю Бога за Степана Тимофеевича, кабы не он, давно бы я с малыми детьми по чужим углам шлялся.

Нищий боязливо оглянулся.

– Стрельцы идут, – сказал он.

– Небось, Тимош, мы свои люди, – сказал, подходя, стрелец Ганька Ларионов, – ты, чай, от Степана Тимофеевича? Небось, не выдадим.

В другом углу площади один стрелец в мундире пятидесятника с жаром объяснял что-то собравшимся около него рядовым стрельцам.

– То-то, помните это, приказ самого Красулина, – говорил пятидесятник. – Он сегодня призвал меня и говорит: что вы бабы, что ли, на войну вас гонят, а жалованья не платят!

– Надо просить жалованье, – отвечали стрельцы.

– Конечно, так, но помните, что с вами ни Красулина, ни других офицеров не будет, а вы приходите якобы от себя. Поняли? – спросил пятидесятник.

– Как не понять, – отвечали стрельцы, – поняли, только когда же прийти-то, завтра, что ли?

– Нет, немного повремените, вот рать уйдет, одни мы, стрельцы, в городе останемся: тогда наша воля, – говорил пятидесятник.

– Тише, Фрол едет, – сказал один из стрельцов.

Действительно, Фрол Дура с отрядом стрельцов ехал через площадь.

На дворе воеводы тоже шли толки. Холопы астраханских сановников толковали между собою.

– А с Степаном-то Тимофеевичем сам царевич едет, и патриарх Никон при нем находится, – говорил холоп князя Львова, Федька, слуге боярина Артамонова, Ивану.

– Да правда ли это? Кто его, царевича-то, видал? – возражал Иван.

– Многие видали, видоки сами мне и говорили, – отвечал Федька.

Иван недоверчиво покачал головой.

– Али не веришь, так пойдём на площадь, я тебе там видаков покажу, спроси у них сам, – убеждал Федька.

– Теперь нельзя, может, скоро боярин выйдет, спросит меня, – отвечал Иван.

На другой день на берегу Волги шло сильное движение: князь Семен Иванович Львов с тремя тысячами ратников, из которых до пятисот были астраханские стрельцы, на сорока стругах отправился в Царицын против казаков Разина. С Львовым ехали полковник Ружинский, подполковник Вингранг, капитаны Рудольф, Шак и другие офицеры, все иностранцы. Пан Ивницкий ехал тут же, из русских офицеров были только стрелецкие сотники.

Рано поутру пан Ивницкий прощался с Анжеликой. Александр был тут же. Он воспользовался приглашением пана и пришел проводить его. Анжелика плакала, обнимая отца и припадая головой к его груди. Как хороша она была в эту минуту, сколько неподдельного чувства любви и горя высказывалось в ее прекрасных, влажных от слез глазах. Обняв в последний раз дочь, пан стал прощаться с Александром.

– Боярин, на тебя надеюсь, ты сумеешь спасти Анжелику в случае опасности, – сказал он, отведя в сторону Александра.

– В случае опасности я постараюсь спасти ее, пан, надейся на меня, как на себя, – отвечал Александр.

– Да, не оставь ее, ведь ты когда-то любил ее, – сказал пан, крепко пожав руку Александра. Александр почувствовал, что какая-то жгучая струя подступила к его сердцу.

– Я и теперь люблю ее, – сказал он тихо.

– Кто знает, быть может, она и будет твоя, – шепнул ему пан.

Анжелика вновь бросилась на шею отца.

– Не плачь, Анжелика, мне не в первый раз драться с казаками, – говорил пан, обнимая дочь и целуя ее. – Вот боярин Артамонов будет о тебе заботиться, – добавил он, указывая на Александра.

Анжелика вскинула свои глаза на Александра: взгляд ее выражал доверие и, казалось, умолял забыть прошлый разрыв.

Александр взял ее за руку и сказал:

– Анжелика Киприяновна, я оправдаю доверие твоего отца, верь мне.

– Я верю, – тихо проговорила девушка, опуская глаза.

– Ядвига, веди панночку в светлицу, – обратился пан к горничной.

– Нет, я провожу тебя до стругов, – отвечала Анжелика.

Они поехали на берег. Струги были совершенно готовы к отплытию. Все ратники стояли уже на стругах и смотрели на берег. На берегу виднелась высокая виселица, а под нею, на подмостках, палач и осужденный на казнь. Лицо осужденного было бледно, и сам он едва держался на ногах, поддерживаемый двумя помощниками палача.

– Кого это собираются казнить? – спросил Александр Виовского.

– Это Стенькин шпион, его вчера поймали в городе, он подговаривал стрельцов к измене. Сегодня его вешают для острастки ратников, – отвечал Виовский.

– Он, верно, больной, едва держится на ногах, где ему шпионить, – заметила Анжелика.

– Вчера он был здоров и силен; это его пытками уходили в одну ночь, – отвечал Виовский. Александр и Анжелика отвернулись и ушли на струг пана Ивницкого.

А под виселицей присяжный дьяк Табунцев громко читал приговор.

– Так будет со всеми, кто предается ворами! – возгласил он громко, прочтя приговор.

Александр показалось, что кто-то позади него громко сказал:

– Всех не перевешаешь!

Он обернулся. Позади него стояли стрельцы, назначенные в поход, и Александр не мог узнать, кто из них сказал эти слова: стрельцов было много. А там, на виселице, качалось уже тело казненного.

– Этим не устроишь, – сказал Александр Ивницкому.

– Конечно, нет, – согласился тот.

Рать провожал сам воевода.

– Так как теперь у нас нет грамоты на прощение, то я надеюсь, боярин, что ты привезешь сюда скоро вора Стеньку для расправы и казни, – говорил воевода князю Львову.

– Приготовь только, боярин, хорошую тюрьму да плаху, а я привезу его, а мой Ларька расправится с ним, как должно, – отвечал Львов.

На всех стругах шло прощание. Ружинский прощался с своей женой. Виовский стоял около него.

– Надеюсь на тебя, пан, и твоему попечению вверяю свое семейство, – сказал Ружинский Виовскому.

– Я шляхтич, пан, у меня сабля, и слово мое верно! – отвечал Виовский, брякнув саблей.

Подали сигнал к отплытию. Провожающие ратников сошли на берег. В это время какой-то человек с свирепым взглядом и отталкивающей физиономией, с клеймами на лице, одетый в красную рубаху, с топором за поясом, торопливо прошел мимо Александра и вошел на главный струг.

– Кто это? – спросил Александр Виовского.

– Палач князя Львова, Ларька, – отвечал тот.

– Но зачем его берут с собой? – удивился Александр.

– Верно, воров готовят казнить, – с иронией отвечал Виовский.

Струги двинулись. Воевода пригласил находящихся на берегу иностранцев – Бутлера, Бойля и Видероса – к себе обедать. Пригласил также и Александра. Он обещал быть на обеде, только пошел прежде проводить до дома пани Анжелику.

Александр и Анжелика молча шли к дому. По дороге была церковь; она была отперта, потому что шла поздняя обедня.

– Зайдем в церковь, – сказала Анжелика.

Они вошли в церковь. Анжелика склонилась на колени перед образом Богородицы.

«Ангелы так молятся», – думал Александр, глядя на усердную молитву красавицы.

– Теперь оставь меня, а завтра заходи, пан, ко мне, – сказала Анжелика, когда они подошли к дому Симонова.

Проводя Анжелику, Александр отправился к воеводе.

– Здорово, боярин! – раздался позади него голос.

Александр обернулся и увидел позади себя пятидесятника Фрола Дуру. Он любезно поздоровался с своим старым знакомым.

– Как поживаешь, Фрол Алексеевич? – спросил он стрельца.

– Не знай, как ты поживаешь, боярин, а я плохо: недавно схоронил жену и парнишку, – грустно отвечал Фрол.

– Теперь ты один живешь? – спросил Александр.

– Один, сиротой. Зайди ко мне, боярин, не побрезгуй, квартирка моя близко.

Александр зашел на квартиру Фрола. Квартира была та же, в которой был Александр в прошлую осень, но внутри страшный беспорядок виден был во всем. Вещи были раскиданы и разбросаны зря. На столе стояла недопитая стекляница водки.

– Это что, или кутишь, Фрол Алексеевич? – спросил Александр, указывая на стекляницу.

– Говорят, от горя пользительно – и пью, да пользы-то что-то нет, только голова трещит, – отвечал Фрол.

– Скажи, Фрол Алексеевич, что ты думаешь о стрельцах, кои поехали с князем, не будут они изменять? – спросил Александр, садясь на лавку.

– Кто их знает, боярин, я у них на уме не был. Офицеры-то стрелецкие все, кроме кума моего Данилы Тарлыкова, больно дружбу водили с казаками, – отвечал Фрол, садясь против Александра. – Тарлыков-то не изменит, а за других ручаться не могу, боярин, – добавил он.

Грустно показалось Александру в опустелой квартире Фрола. Не то он видел в ней прошлую осень. Он простился с хозяином и ушел к воеводе.

Гостей у воеводы было немного, только приглашенные: строители кораблей, Бутлер и Видерос, и английский полковник Бойль. Еще был брат воеводы, князь Михаил Семенович, и сын Борис. За обедом шли рассуждения о походе князя Львова. Хозяин был очень любезен с иностранцами и Александром; говорил, что он всю надежду, в случае опасности, возлагает на них, так как на стрелецких офицеров мало надежды.

– Из стрельцов можно положиться на одного только Фрола Дуру, – сказал воевода, – он не в ладу с Красулиным: его давно следует сотником сделать, да Красулин не согласен, не любит он его.

– Пей, боярин, – обратился воевода к Александру с ласковой улыбкой.

Александр не вытерпел притворной любезности воеводы и напомнил ему о его доносе.

– Что угощать меня, боярин, – сказал он, – я не уследил за порядком в рати и внушил ратникам дух неповиновения.

– Что было, то прошло, боярин, – отвечал воевода, – ввиду общей опасности нужно позабыть старое.

После обеда воеводе доложили, что прибыл какой-то московский стрелец.

– Зови сюда, – сказал воевода.

Вошел Горнов.

– Это мой гонец, которого я послал вверх по Волге, – сказал Александр.

– Ну, что? – спросил испуганно воевода.

– Я не мог пробраться в верховья Волги, путь загорожен, – отвечал Горнов.

Все переглянулись.

– Теперь остается одно – ждать исхода похода князя Семена Ивановича, – сказал воевода.

После обеда Борис Прозоровский пригласил Александра в свою комнату, где они долго говорили и под конец сошлись и подружились.

К вечеру Александр ушел на свою квартиру.

«А хороша она, право, хороша, какое любящее у нее сердце! – думал он. – Нет, нет, лучше прежнего! Быть может, она думает, что я по-прежнему буду ухаживать за ней? Нет, ошиблась: я не тот, кем был три года тому назад. Завтра же я докажу ей, что и я стал холоден к ней и забыл прежнее, докажу, что и с моей стороны все кончено».

Так рассуждал Александр, а сердце его говорило другое.

«Не обманывай себя, – шептало оно, – ты не можешь забыть, ты любишь по-прежнему».

На другой день Александр, зайдя в собор к обедне, увидел там Анжелику. Она стояла рядом с панной Ружинской. Князь Борис Прозоровский был также в соборе. Самого воеводы не было в церкви, почему Борис стоял не на воеводском месте, а среди народа, недалеко от Анжелики. Александр встал около него.

– Какая красавица панна Ивницкая, – шепнул Борис Александру.

– Да, недурна, – как можно спокойнее постарался ответить Александр, но в то же время почувствовал, что какой-то внутренний жар охватил его. «Уж ты, князек, не влюбился ли в нее?» – подумал он.

Обедня окончилась.

Александр и Борис подошли к Анжелике. Она поздоровалась с ними и живо заговорила, к величайшему неудовольствию и соблазну бывших в церкви русских боярынь и боярышень, впрочем давно решивших, что эта польская пани пропащая.

– Князь, придешь к нам сегодня? – спросила она Прозоровского, когда вышла в ограду.

– Но пана нет дома, – тихо проговорил Борис.

– Так я дома, зайдешь?

– Зайду, – отвечал Борис.

– А вы должны непременно прийти, потому слово дали, – сказала она Александру, – оттого я и не приглашаю вас, зная, что вы сдержите слово, – прибавила она, блеснув глазами, и проворно впрыгнула в свою повозку, где уже сидела пани Ружинская.

– Вот бы хорошая невеста, – сказал Борис.

– Что ж, сватай ее, Борис Иванович, – предложил Александр.

– Разве моя воля, у меня родители есть, – отвечал смиренно Борис. – А она пошла бы за меня, ей-богу, пошла бы! Ведь я князь и богат, – говорил Борис.

Жгучая струйка вновь пробежала по сердцу Александра. Он, не отдавая себе отчета, поторопился проститься с князем и пошел прямо к Анжелике. Там сидела Ружинская. Анжелика встретила его очень любезно.

– Что, исполнил свое слово? – сказала она.

– Ах, пани, – обратилась она к Ружинской, – ты знаешь, ведь пан Артамонов обещал спасти меня от казаков.

– А меня обещал спасти пан Виовский, – отвечала с улыбкой Ружинская.

– Так теперь у нас у обеих есть кавалеры, нам не скучно будет бежать от казаков, – смеялась Анжелика.

Ружинская скоро ушла домой, пригласив Анжелику и Александра к себе. Александр также стал собираться.

– Не уходи, – говорила Анжелика, – мы пойдем вместе к пани Ружинской; не уходи, мне скучно. – И Анжелика взяла за руку Александра.

Александр вспомнил свое вчерашнее решение.

– Без меня, что ли, скучно? – спросил он с улыбкой.

– Да, без тебя. Что ты какой угрюмый сегодня?

– Не верю, пани. Если бы тебе было скучно без меня, ты не прогнала бы меня тогда и не отказала бы, не заставила бы меня страдать три года, – залпом выговорил Александр.

– Ах, какой ты злой, Александр Сергеевич! То было давно, на Украине. Там мы были властителями, а теперь мы в Астрахани изгнанниками, – отвечала Анжелика скромно.

– Ну а что ты ответишь, если я скажу, что люблю тебя по-прежнему? – выдохнул Александр, схватив за руку Анжелику и пристально глядя ей в глаза. Лицо его горело, грудь тяжело вздымалась. Он забыл свое вчерашнее решение, забыл все. Очи, одни черные очи видел перед собой и за них отдал бы все на свете.

– Теперь... я подумаю и, может быть, скажу «да», – отвечала Анжелика, склонив голову.

– Что же думать-то, говори скорее, решай мою судьбу!

– Погоди, Александр Сергеевич, погоди, вот вернутся наши из Царицына, тогда поговорим, а теперь не будем говорить об этом. Теперь время не то, мне нужно думать не о своем счастье, а молиться за отца.

– Но ты даешь слово, да?

– Я не отказываю тебе, я только говорю – подумаю...

Вечер провели у Ружинской. Все старались быть веселыми, хоть на минуту позабыться, но веселье не шло к их задумчивым печальным лицам.

Александр почти каждый день ходил к Анжелике. Они часто виделись и у Ружинской.

Раз, спустя четыре дня после отправки стругов, они сидели у Ружинской.

– Где-то теперь наши? – сказала, вздохнув, Анжелика.

– По расчету, они должны быть под Черным Яром, – отвечал Александр.

Он угадал. В это время струги князя Львова были приблизительно в этом месте.

Тихо плыли они. Паруса и весла с трудом подвигали их вверх по течению. В казенке главного струга, убранной богато, за столом сидели начальники рати: князь Львов, Ружинский и пан Ивницкий. Они только что отобедали.

– Неужели воры решатся биться с нами? – говорил князь Львов.

– Не знаю, мой пан, но теперь бежать им, как прошлый раз – некуда, – отвечал ему Ружинский.

– Во всяком случае, нужно быть готовым к битве каждый час, – подчеркнул Ивницкий.

– Мы всегда готовы, пан, – сказал самоуверенно Львов.

– Я иду на свой струг, боярин, какой же будет от тебя приказ? – проговорил Ружинский, вставая.

– Не думаю, чтобы сегодня пришлось драться – до Царицына далеко; но если, сверх чаяния, начнется битва, зараз ударим всеми силами на воров, – отвечал Львов.

Ружинский поклонился и вышел. Он взял лодку и отправился на свой струг. Капитан Рудольф встретил его с озабоченным лицом.

– Плохо, пан, – сказал молодой человек, – наши стрельцы замышляют измену.

– А как ты знаешь, капитан? – удивился Ружинский.

– Вскоре после твоего ухода я пошел по стругу и услышал разговор двух стрельцов. Один из них говорил другому, что как только увидят воровскую шайку, то бросятся и перевяжут начальных людей.

– Что ж другой-то стрелец, возражал, что ли, или тоже согласен был? – спросил Ружинский.

– Нет, не возражал, а только сомневался, все ли ратники согласны, а первый уверял его, что все, – отвечал Рудольф.

– Что ж ты с ними сделал? – спросил подполковник.

– Взял обоих под стражу, но что ж из этого? Я боюсь общей измены, – отвечал капитан.

Полковник задумался.

– Нужно будет доложить князю, – сказал он и тотчас отправился обратно на струг князя Львова.

– Князь изволит почивать, – сказал холоп князя, Никитка, загораживая двери.

– Дело не терпит отлагательства, – отвечал Ружинский и вошел в казенку.

– А я было заснул после обеда-то, – сказал князь недовольным тоном, лениво потягиваясь и потирая глаза.

Ружинский передал ему свои опасения.

– Но казаки еще далеко, должно быть, – сказал Львов и крикнул кормчего.

– Далек ли мы от Черного Яра? – спросил он.

– Недалече, боярин, – отвечал кормчий.

Вошел Ивницкий.

– Дело скверно, – сказал он, – я открыл, что стрельцы готовятся к измене.

– Что такое? – переспросил князь.

– Мне передал один ратник, – начал было пан, но сильный крик на верху струга не дал окончить ему свои речи.

– Казацьи струги показались в виду! – вбегая, кричал капитан Шак.

Все бросились наверх.

– Здравствуй, батюшка Степан Тимофеевич, – кричали собравшиеся на носу струга стрельцы.

– Готовьтесь к битве! – крикнул князь.

– Как бы не так, – отвечали стрельцы, не трогаясь с места, но повернувшись лицом к князю.

– Что долго-то с ними толковать, вяжи их, братцы! – крикнул стрелец Ганька Ларионов.

– Вяжи, вяжи! – поддержал холоп князя Львова, молодой парень Федька.

Князя Ружинского, Ивницкого и Шака окружили со всех сторон стрельцы. Обороняться было невозможно: против четырех начальников стояли сотни их подчиненных.

– Вяжи этого боярина. Я на него давно зубы точил! – кричал Федька, хватая за руки князя Львова и скручивая их назад веревкой. В одно мгновение князь, Ружинский и Шак были связаны.

Один Ивницкий еще отмахивался своей саблей, стоя на самом краю струга. Толпа наступала все сильнее и сильнее.

– Бери живьем, потешимся над бусурманином! – ревели стрельцы.

– Не удастся же вам потешиться! – крикнул Ивницкий и бросился в воду.

– Ушел, бусурман! – ревели в толпе.

– А ловок, бестия, – говорили другие.

Князь Львов, Ружинский и Шак сидели связанные.

Маленькая лодка с двумя стрельцами и сотником Данилой Тарлыковым отделилась от струга.

– Куда ты? – кричали стрельцы.

– Встречать Степана Тимофеевича, – отвечал Тарлыков. Но, отплыв несколько сажен от струга, круто повернул вниз по Волге.

– Уйдет в Астрахань!

– Надо бы догнать их.

– Нет, надо поскорее послать к Степану Тимофеевичу, – слышалось в толпе.

Струги казаков были уже близко.

Стрельцы махали шапками и приветствовали Разина:

– Здравствуй, батюшка Степан Тимофеевич!

– Да, так, они должны быть под Черным Яром, – говорил между тем Александр.

– Живы ли они? – сказала Ружинская, вздохнув.

Все молчали.

– Дети, помолитесь за отца, – сказала Ружинская сидевшим около нее двум сыновьям...

Дети опустили на колени и начали молиться. Мать, Анжелика и Александр смотрели на них.

– Пойдем и мы молиться, – вздохнула Анжелика, и все отправились в комнату пана Ивницкого.

Сотник Тарлыков прибежал в Астрахань. Страшна была его весть.

– Струги князя разбиты, князь в плену, все офицеры побиты, стрельцы перебежали, – говорили во всех домах, на всех улицах и проулках города.

Воевода был страшно встревожен. Но, несмотря на это, немедля начал собирать рать и назначать осадных голов. В тот же день на стенах города закипела работа, город начали укреплять: другой надежды, кроме стен, не оставалось.

Услыша грозную весть, Александр бросился отыскивать сотника Тарлыкова. Он нашел его в приказной избе. Тарлыков сидел в проходной приказной избы, задумчиво повесив голову, воевода не велел ему отлучаться.

– Что, где пан Киприан Ивницкий? – был первый вопрос Александра.

– Да все там же, где и все, – угрюмо отвечал стрелец.

– Но ты это наверно знаешь? – спрашивал Александр.

– Пан Ивницкий на моих глазах в Волгу бросился сам, не дался в руки, – отвечал стрелец. – Остальных связали при мне и только ждали Стеньку, чтобы всех в воду, – угрюмо добавил он.

Александр поспешил к Анжелике. Она знала уже страшную весть и оплакивала свою потерю.

– Теперь я одна осталась на свете! – говорила она, рыдая и ломая руки.

– Нет, не одна, – вскричал Александр, – я с тобой и люблю тебя! – И он схватил за руку молодую девушку.

– Верю, пан Артамонов, – сказала она, крепко сжимая ему руку, – и благодарю, что не оставил меня в эту горькую ми-нуту...

– Могу ли я оставить тебя, когда я так люблю? – говорил Александр, целуя руку девушки.

– Но, пан, удержи свою восторженность, теперь не время говорить о любви, – отвечала Анжелика.

– Как не говорить, Анжелика. Город в опасности, только день наш, только час наш, а для счастья довольно и часу, будем счастливы, Анжелика, хоть один день – и довольно.

– И будем счастливы, но не теперь. Вот будет приступ, ты, может быть, отличишься в битве и тогда будешь праздновать свадьбу.

– А может быть, и похороны, – грустно отвечал Александр.

– Нет, этого не будет... – отвечала Анжелика.

– Так ты теперь моя невеста, и мы будем принадлежать друг другу, а по окончании осады отпразднуем свадьбу, – сказал Александр и обнял стан молодой девушки. Пышные волосы ее коснулись его волос. Он был счастлив, как три года тому назад.

– Какой ты чудной, а еще москвич, – молвила она. – Будущее в воле Божьей. Не о свадьбе теперь надо думать, а о жизни, как ее спасти...

«Теперь нужно думать о спасении себя и Анжелики. Устоит или не устоит город, а меры все же не мешают принять, это не трусость, а просто осторожность», – говорил сам с собой Александр, возвращаясь на квартиру. Он велел Ивану сыскать и купить двух верховых лошадей в полном седельном уборе и две пары полного казацкого платья и вооружения.

Между тем воевода посылал в Москву гонцом сотника Тарлыкова.

– Москва не знает о нашей невзгоде, – говорил он сотнику, – первое дело – пробраться в Москву: для этого нужно ловкого, сметливого человека, а таким я считаю тебя, Данило. – И воевода положил руку на плечо сотника.

– Что прикажешь, я исполню, – отвечал сотник, обрадованный лаской, оказанной ему важным боярином, который прежде и не замечал его, маленького человека.

– Да, я считаю тебя способным и ловким офицером и даю важное поручение: ступай в Москву с грамотой к самому государю. По Волге проехать нельзя, проберись в Терки к брату, а оттуда в Москву. Чин полковника и пятьсот рублей дадут тебе в Москве за исполнение поручения, а теперь я дам тебе сорок рублей на дорогу и трех татар провожатых.

– Сегодня ехать, боярин? – спросил стрелец.

– Сегодня: время дорого.

IV

Была половина июня. Александра вновь пригласили к воеводе. Там были Бутлер, Бойль и Видерос. Воевода был по-прежнему очень грустен, но вместе с тем любезен с гостями.

– Капитан, – повернулся он к Бутлеру, – я поручаю тебе охрану важного пункта – Вознесенских ворот. Собери всех своих мастеров и не выпускай их из города. Государь наградит вас.

– Рады служить, – отвечал капитан Бутлер.

Обед кончился, гости собирались уходить. Вдруг на площади поднялся шум. Все бросились к окнам: стрельцы нестройною толпою шли к дому воеводы.

– Это бунт! – Воевода побледнел.

– Скорее скачи к отцу митрополиту, а ты к Красулину, зовите их сюда, – обратился воевода к приставам.

Стрельцы подошли к дому.

– Воеводу хотим видеть! – кричали они.

Воевода, окруженный гостями, подошел к открытому окну.

– Что вам нужно? – спросил он громовым голосом.

Но как ни грозен был его голос, он заметно дрожал.

– Подай нам денежное жалованье! – кричали стрельцы.

Один из них, человек средних лет, с большой черной бородой, выступая вперед, сказал:

– На войну посылаете, жалованье не платите. Это не порядки!

– Это кто такой? – спросил воевода стоящего около него Виовского, указывая на говорившего стрельца.

– Филатка Колокольчиков, любимец Красулина, – отвечал Виовский.

– Братья, – начал воевода ласково, – время ли теперь бунтовать, когда на нас идут воры? Жалованье ваше и служба ваша за великим государем не пропадет.

– Да пропадает. Ты давно не платил нам жалованье! – кричал Колокольчиков.

– Давай жалованье, без того не пойдем, – редела толпа.

– Что нам даром драться! – кричал Колокольчиков.

– У нас нет ни денег, ни запасов! – кричали стрельцы.

– Казны великого государя я еще не получал, – отвечал воевода, – но я дам вам жалованье из монастырской, митрополичьей и своей собственной казны.

– Так давай! – кричал Колокольчиков.

– Дам, дам. Но только и вы послужите честно и не сдайтесь ворами, – говорил воевода.

– Коли жалованье отдашь, будем служить, – отвечал Колокольчиков.

Скоро в палаты воеводы приехали митрополит и Красулин. Митрополит сказал увещание и обещал дать денег, а Красулин проехал по рядам стрельцов. Стрельцы успокоились.

Посоветовавшись с воеводой, митрополит послал в Троицкий монастырь, к келарю Аврааму и к своему ключарю Негодящеву за деньгами.

Стрельцы все еще стояли на площади, ожидая выдачи жалованья. Келарь и ключарь скоро пришли с деньгами.

– Вот две тысячи шестьсот рублей, – сказал воевода, подавая стрельцам деньги, – нужно будет – дадим еще, но и вы по-служите государю, и будет вам награда, о какой вам и на мысль не приходило.

– Рады служить великому государю! – крикнули стрельцы.

Они разошлись по домам.

Воевода с митрополитом и гостями заперся в своей палате.

– Сегодня ко мне в соборе, в час рассвета, прибежали караульные стрельцы, – поведал митрополит. – Они держали караул у Пречистенских ворот и видели на небеси чудо: все небо растворилось над Астраханью, и на город посыпались искры.

– Что же все сие предвещает, владыко? – спросил воевода.

– Пути Господни неисповедимы: на нас излиет факел гнева Божия, – отвечал митрополит.

– На Тебя единого вся надежда, – вздохнул воевода, взглянув на икону Спасителя.

– Надо побеспокоиться, чтобы жители и стрельцы не сносились с ворами, – сказал брат воеводы, Михаил Семенович.

– С юга Астрахань укреплена надежно, – напомнил Бойль.

– Я велю монастырским рабочим провести воду к солончакам из своих прудов, – сказал митрополит, – затопить проход.

– Там виноградные сады, по ним ловко пробираться во время приступа, – не мешало бы их вырубить, – продолжал Александр.

– Рубить не след: владельцы садов затаят на нас злобу, – вставил князь Михаил Семенович.

– Но, боярин, неужели ты оставишь без наказания сегодняшней бунт стрельцов? – спросил Бойль.

– Нельзя наказывать, они наши защитники, – сказал воевода.

– Зачем всех? Главное – наказать зачинщиков, – отвечал Бойль.

– Да, стрельца Колокольчикова следовало бы наказать, он, видно, всему делу голова, – подытожил князь Михаил Семенович.

Воевода послал за дьяком и велел написать бумагу губному старосте об аресте Колокольчикова.

Гости разошлись. Часа через два к воеводе явился губной староста астраханской губы Федор Фадеевич Зубов, человек высокого роста, с седыми усами и бородой, сутуловатый, с строгим взглядом старик.

– Согласно твоему письменному приказу от дьяка Табунцева я пошел задержать бунтовщика, стрельца Филатку Колокольчикова, – сказал он воеводе и замолчал.

– Ну? – торопил воевода.

– Но стрелецкий голова Красулин воспротивился сему, поелику, говорит, есть наказ Москвы стрелецким головам, дабы они не давали в обиду воеводам стрельцов, а управляли ими сами, – продолжал губной староста.

Воевода молчал. «Красулин-то, верно, сам подучил стрельцов, он-то и есть главный бунтовщик», – думал он.

– Что ж прикажешь теперь делать, боярин? – спрашивал губной.

– Я сам повидеюсь с Красулиным, – сказал воевода. Он знал, что свидание ни к чему не поведет, но не хотел уронить себя в глазах губного, оставив совершенно это дело.

Между тем голландский капитан Бутлер и немец, капитан Видерос, направлялись к низенькому дому, стоящему на южной стороне города близ ворот. На крыльце их встретил человек небольшого роста, опрятно одетый, с небольшой лысиной на голове – одним словом, тот самый немец-доктор, которого мы видели в прошлом году в Самаре, на квартире Кузьмина. С ним был молодой человек, лет тридцати, высокий, с задумчивым взглядом. Это был младший корабельный мастер Страус, будущий описатель гибели Астрахани и тогдашних кровавых дней.

Они вошли в чисто убранную комнату, квартиру доктора.

– Что нового? – спросил доктор.

– Да что ж, Ягонь, дело плохо – стрельцы бунтуют, – отвечал Видерос.

Бутлер рассказал доктору и Страусу подробности бунта.

– Что ж теперь нам делать, Ягонь? – спросил Бутлер по окончании разговора.

Доктор молча хлебнул пива из своей кружки и взглянул на Страуса.

– Дождаться, когда с нас кожу сдернут, – с усмешкой отвечал Страус.

– Не шути, герр Страус, – сказал Видерос, – я знаю Стеньку, ведь нам несдобровать.

– Я давно, не шутя, говорил, что нужно бежать в море, а вы не слушались: срам морякам пускаться с боязнью в открытое море, – отвечал Страус.

– Да, не минуешь, верно, бегства, – проговорил Видерос.

– Это одно средство к спасению, – сказал доктор.

– Ну, если мы погибнем в открытом море – вы будете причиной, а не я – я только согласен с большинством, – сказал Бутлер. – Страус, собери сегодня же всех мастеров на лодку и жди

нас: мы вечером с Видеросом и доктором пойдем осматривать укрепления и бежим к вам, – обратился он к Страусу.

Вечером того же дня в реке Кривушке стояла небольшая лодка с пятнадцатью корабельными мастерами и Страусом. А по городским стенам шли четыре человека в дорожных плащах. Это были: Бутлер, Видерос и доктор, а четвертый был слуга Бутлера, молодой человек, из пленных персиян.

– Как хотите, Астрахань укреплена хорошо, взять ее будет нелегко, – говорил Бутлер своим товарищам. – В открытом море нам больше будет опасностей, да к тому же неловко бежать, когда нам так доверяет князь.

– Как хочешь, герр, я согласен и остаться, – отвечал Видерос.

– Остаться – так остаться; везде, видно, смерть, – проговорил доктор.

– Иди скорее к герру Страусу с нашими мастерами, скажи им, чтобы вернулись, – приказал Бутлер персиянину.

Персиянин скоро возвратился.

– Ворота заперты, я не мог пройти за город, – сказал он.

– Не уедут же они одни, – сказал Бутлер.

А там, на реке Кривушке, немецкие мастера все еще ждали прихода своих начальников.

– Условленный час прошел, нужно ехать одним, – сказал мастер.

– Подождем, – отвечал Страус.

Прошел еще час.

– Ну, теперь в путь, больше нечего ждать, – сказали мастера и ударили в весла.

Тихо скользя по волнам, плыла лодка немецких мастеров по устью Волги к открытому морю.

Поутру восемнадцатого июня Александр, выходя из своей квартиры, заметил на улицах города движение. Воеводские пристава неслись верхами с одного конца к другому. В церквях звонили в колокола.

Стрельцы шли толпами к площади.

– Что это такое? – спросил Александр проходившего мимо него Виовского.

– Разве ты не слыхал, боярин? Казаки подступили к Астрахани, – отвечал Виовский. – Сейчас приходили к воеводе рыбаки, он еще спал, его разбудили.

– Стало, приступ начинается?

– Нет, приступа еще нет, казаки остановились на урочище в Жареных Буграх.

Александр возвратился на квартиру, вооружился, сел на лошадь и отправился к воеводе.

Воевода съезжал уже со двора. Александр поехал за ним. Он ехал осматривать укрепления. Город был готов уже к бою. На стенах у пушек стояли пушкари. Фитиля зажигались. Посадские стояли на городских стенах. Они были вооружены чем попало: кто бердышом, кто топором, кто самопалом, а кто просто колом или дубиной. Иные таскали в кучу камня, чтобы во время приступа бросать их в казаков. На стенах устраивали козлы, привешивали к ним котлы и таскали дрова, чтобы кипятить воду и кипятком обваривать казаков. Воевода начал осмотр с северной стороны.

– Казаки, говорят, на востоке и перебираются к Болдин-скому устью, – доложил осадный голова, боярский сын Лихачев.

– С востока взять Астрахань трудно, она окружена водой; вот с юга – другое дело, – сказал Бутлер.

– Я послал Фрола на разведку, – отвечал воевода.

Воевода подъехал к воротам, их закладывали кирпичом наглухо.

– Золожить все ворота, исключая Вознесенские, – приказал воевода сопровождавшему его Бутлеру.

Тот поклонился и уехал.

На восточной стороне им попался навстречу крестный ход, шедший по стене вокруг всего Белого города, окруженного стенами. Впереди несли икону Божией Матери, за ней другие иконы. Сам митрополит, в полном облачении, окруженный духовенством, шел тут же. Толпа народа, преимущественно стариков и женщин, шла за иконами. У ворот митрополит остановился и начал молебен.

Воевода и вся его свита сошли с лошадей и приложились к иконам. По окончании молебна крестный ход пошел дальше вокруг города. Воевода поехал на южную сторону. С этой стороны город не был окружен водой. За стеной шли городские виноградники, сады. Человек двести рабочих заступами рыли какую-то канаву.

– Боярин, вели вырубить сады! – сказал Александр, подъезжая к воеводе.

– Зачем? Митрополит и я решили провести воду из митрополитских прудов вплоть до солончаков. Вот видишь, роют канаву, – отвечал воевода.

Объехали всю стену.

– Посланцев Стеньки ведут сюда, – сказал, подъезжая, Виовский.

– Где они?

– А вон этот поп и этот холоп, – отвечал Виовский, указывая на приближающихся к воеводе священника и бедно одетого человека.

– Да это холоп князя Львова! – сказал один пристав воеводе.

– Где их поймали? – спросил воевода сопровождавших их стрельцов.

– Нас никто не поймал, мы сами пришли к тебе от атамана. Он приказывает тебе сдать город, – отвечал холоп князя Львова.

– Мне приказал? – возвысил голос воевода, однако ответа не дал.

– А ты зачем, поп? – обратился он к священнику.

– Я астраханский поп, меня казаки захватили в полон, – отвечал священник.

– А, и ты посланец Стеньки? – сказал воевода. – Ну, хорошо. Взять их в губной приказ и обоих пытать крепко, – обратился он к приставу.

До полудня воевода пробыл на городской стене. Подъезжая к своим хоромам, он встретил Фрола, возвратившегося с разведки.

– Стенька с своими стругами вошел в Болдинский проток, оттуда в проток Черепуху, а из него в реку Кривушку и теперь стоит там, – доложил Фрол.

– Поскорее проберись к мурзе Ярмурчей, что стоит над Астраханью, и скажи, чтобы он со всеми своими улусными людьми перебрался в город, – приказал воевода. – А то и он, пожалуй, как немецкие мастера, тягу даст, – добавил он, обращаясь к Видеросу.

– Да, боярин, я не чаял того от моих мастеров, что они сделали, – отвечал Видерос.

– Боярин, дай мне какое-нибудь назначение, – сказал Александр.

– За назначением дело не станет. Я тебе поручаю, вместе с Бутлером, защиту Вознесенских ворот, – отвечал воевода.

Александр поехал к воротам и встал там. Перед вечером его пришел сменить Бутлер. Александр поспешил к Анжелике. На дороге, близ воеводских хором, он встретил Фрола.

– Ну, что мурза Ярмурчей? – спросил он.

– Если уж немцы бежали, то ему, бритой башке, чего делать? В степь убежал со всем улусом, – отвечал Фрол.

– Это что? Кого-то ведут, кажется, – Александр присматривался к приближавшейся толпе.

– Э, да это здешний нищий, Тимош безногий, за что его взяли? Другой тоже нищий, – отвечал Фрол.

Несколько человек под предводительством Лукошкина вели к воеводскому двору двух нищих.

– Что, или вновь посланцы Стеньки явились? – спросил Александр Лукошкина.

– Хвалились эти нищие зажечь город, как только начнется приступ, вот я их и захватил, – отвечал Лукошкин.

Нищих провели на воеводский двор. Александр пошел к Анжелике.

– Говорят, казаки под городом? – был первый ее вопрос.

– Да, но ты ничего не бойся, город взять трудно. А если, сверх чаяния, он и будет взят, то тогда мы бежим. Я достал казацкое платье и лошадей.

Прошло три дня, три тревожных дня ожидания приступа. Александр почти все время был на стенах города. Он только заходил на несколько минут к Анжелике успокоить ее да к воеводе. На квартире бывал редко.

Купленных лошадей Иван держал наготове.

В это самое время по Тереку плыла лодка. Четыре гребца с усилием боролись с бурными волнами, подымающимися высоким гребнем.

– Плохо, сотник, – говорили сидевшие в лодке татары своему начальнику, сотнику Тарлыкову.

– Как-нибудь переедем, – отвечал Тарлыков, – гребите сильнее, – обратился он к гребцам.

Он почти не видал волн, он видел только себя в полковничьем кафтане с пятьюстами рублями в кармане.

Но лодка накренилась, и неустрашимый сотник вместе с провожатыми упали в воду. Через несколько минут татары – проводники и гребцы, плававшие как рыба, выбились из пенных волн и выскочили на берег.

– А где же наш сотник? – спросил один татарин.

– Она там, видно, – отвечал другой, указывая на бушующую реку.

– Надо бы его тащить: его деньга есть, – сказал третий.

– Какой тащить, моя сам шапка и тюбетейка терял, – отвечал его товарищ.

– Куда же теперь? – спрашивал татарин.

– Куда? Назад в Астрахань пойдем, там теперь, чай, казаки, – отвечал ему его товарищ.

V

Было около пяти часов вечера. На площади, перед домом воеводы, стояла рать, готовая к бою. Красулин верхом разъезжал по рядам стрельцов. Стрельцы, конные и пешие, построены были сотнями. Боярские дети, дворяне, дьяки и подьячие, составляющие свиту воеводы, стояли на самом воеводском дворе. Они также были вооружены и стояли кучками, но в их рядах не было такого строгого порядка, как в рядах регулярных стрелецких войск. На крыльце воеводского дома стояли два офицера – Виовский, занявший у воеводы место Ружинского, и пятидесятник Горнов. Неподалеку от крыльца расположился отряд конных стрельцов, человек в сорок, под началом Фрола Дуры.

Сам воевода, князь Прозоровский, одетый в боевые доспехи, сидел в своей большой избе. Рядом с ним помещался брат его, Михаил Семенович, и митрополит Иосиф, а по другую сторону жена, княгиня Прасковья Федоровна. Тут же стояли оба сына воеводы.

Грустным был вид всех присутствующих. Посторонним лицом в комнате был только старый холоп князя, Васька – седой старик. Он стоял молча, прислонившись к косяку двери. Княгиня и дети плакали. Митрополит утешал их.

– Поборемся ноне за государя и, если Бог поможет, отобьем разбойников, – говорил митрополит. – А если побьют нас, то мы заслужим венец мученический. Не плачьте, дети, и ты, княгиня, не за злое дело, а за веру и государя будем биться с ворами.

– Да, грустно подумать, может быть, мы в последний раз сидим здесь, – сказал воевода.

– Не падай духом, боярин: благодать Божия велика, не унывай, отчаяние грех великий.

– Посмотри, отец, сколько рати стоит на площади! С такой ратью можно побить воров, – сказал старший сын Борис.

– Нам не страшны воры, – сказал князь Михаил Семенович, – с такой ратью как не справиться с ворами! Нам страшны свои изменники.

– Неужели государь не знает о нашей невзгоде или он забыл о нас? – воскликнул воевода.

– Он не забыл, но весть о нашей беде не дошла до него, – отвечал митрополит.

На дворе раздался топот копыт лошади, и через минуту в комнату вошел Виовский.

– Казаки идут на приступ к Вознесенским воротам, – доложил он.

– За дело! – бодро отвечал воевода. – Вели подать сигнал к бою. – Он совсем преобразился. Это был уже не тот человек, что грустно сидел в кругу своего семейства и жаловался на невзгоды, а воин и борец за царя и отечество. Он вырос в несколько секунд. Глаза его метали искры. Ввиду собственной опасности этот далеко не храбрый человек сделался героем. Он встал, перекрестился на икону и вместе с братом склонил голову под благословение митрополита.

– Благослови, отец святой, на защиту земли Русской, – просил он.

Митрополит троекратно осенил их крестом и напутствовал:

– Дерзайте, братья бояры, на защиту Церкви и земли Русской. Да хранит вас Бог, а я буду молиться за вас.

– Прощай, жена, прощайте дети, – говорил воевода, обнимая княгиню и детей. – Тебе, владыко, поручаю свою семью, а мне нужно пещись о граде, – добавил он, обращаясь к митрополиту с глазами, полными слез.

– Отец, я поеду с тобой, – решил старший сын воеводы.

– Пусть едет, все равно от смерти не убежим, – сказал князь Михаил Семенович.

– Едем, Боря, – согласился воевода. – Княгиня, благослови сына, – обратился он к жене. Княгиня, заливаясь слезами, благословила сына.

Рыдающую княгиню и меньшего сына увели в другую горницу.

– Улетел, мой соколик, не прилетит больше, – причитывала княгиня, упав на подушки в своей опочивальне, окруженная приживалками и санными девушками.

Перед рядами войск затрубили в трубы и ударили в тулумбасы. Колокола на городских башнях и церквах били тревогу. Астраханцы-мужчины, почти все, исключая стариков и малолеток, стояли уже на стенах города: дома оставались одни женщины, и они одни смотрели из окон на парадный выезд воеводы.

Он ехал на своем боевом, великолепном вороном коне, одетый в блестящий панцирь.

Впереди вели десять дорогих жеребцов под суконными покрывалами. Бой боем, а честь честью, и обряд выезда воеводы должен быть соблюден. Рядом с воеводою ехали его брат и сын. Дальше – офицеры, составляющие свиту. Александр Артамонов был тут же. Сотники и головы стрелецкие находились при своих сотнях, а начальник стрельцов, Красулин, стоял на площади во главе стрелецкой рати. За воеводой ехали все наличные бояре и дворяне астраханские, исключая осадных голов, бывших при своих местах, на стенах города. Тут были: недавно праздновавший свою свадьбу боярский сын Илья Лихачев, на маленькой, бойкой лошадке, окруженный пятью холопами, и старый боярин Петр Васильевич, которого длинная седая борода развевалась по плечам, с десятью холопами, и дворянин Лукошкин, с тремя холопами, дьяк Табунцев, дьяк Фролов и помощник дьяка Федоров. Сорок стрельцов, под началом Фрола Дуры, замыкали это шествие. Немцы Бутлер и Видерос были во главе пешего отряда, составленного из иностранных матросов и русских подьячих разных приказов.

На площади воевода держал речь к рати.

– Братья и дети, – говорил он, – встаньте и дерзайте мужественно за святую веру, за Церковь Христову и государя нашего Алексея Михайловича. Ныне пришло время побиться и пострадать за государя. Если мы не будем ныне стоять грудью, то нас ждет неминуемая смерть.

Кто останется жив, тот получит великие награды от государя, а кто умрет в честном бою, тот получит венец мученический. Не склоняйтесь, братья и друзья, на лстивые слова богоотступника и вора Стеньки Разина. Идем на бой с упованием на милость Божию. За мной, друзья, стоим за веру и государя!

– За веру и государя! – крикнули стрелецкие головы.

Войска приняли боевой порядок. Пушкари были на своих местах. Осадные головы расхаживали по стенам.

Особенно усилили отряды у Вознесенских ворот, откуда ждали приступа. Тут, с сильным отрядом стрельцов и ино-странцев, встал помощник воеводы, князь Михаил Семенович Прозоровский. С ним были Александр Артамонов и сын воеводы. Иностранцами командовал Бутлер. Сам воевода, с сильным отрядом, составленным из стрельцов, вперемежку с подьячими, поместился у собора, чтобы наблюдать за ходом событий и послать вовремя помощь куда потребуется. На другой стороне города начальствовали английский полковник Бойль, капитан Видерос и Красулин. Фрол Дура с своими стрельцами стоял около воеводы.

В казачьем стане видно было сильное движение. Передовые отряды шли уже на приступ к Вознесенским воротам.

Александр внимательно смотрел на неприятеля, но находящиеся за стеной виноградники не давали возможности хорошенько рассмотреть его положение.

Видно только было, что казаки по садам пробираются к городской стене. Миг был самый критический, видны были даже высокие лестницы, которые несли казаки. Князь Михаил Семенович не сходил со стены. Расставленные около стены посадские собирали обгорелые головни, в огромном числе валявшиеся на месте сожженной татарской слободы, и подкладывали их под котлы с водой. Котлы кипели и только ждали момента, чтобы пролиться на буйные казачьи головы. В других местах посадские стояли около ворохов камней, назначенных для бросания в тех же казаков. Пушкари стояли у пушек с заж-женными фитилями, а дальше, на месте пожара, были выстроены ряды пеших стрельцов, готовых броситься к стене в минуту осады.

Молодой Прозоровский стоял около Александра.

– Вероятно, скоро будет приступ? – спросил он.

– Казаки пойдут на приступ не раньше ночи, – отвечал Александр.

Волнение казаков не унималось. Приступа нужно было ждать с часу на час. Дали знак воеводе, и он сам подвинулся к Вознесенским воротам и стал недалеко от них.

Вести с другой стороны города были самые спокойные. Казаков там вовсе не было видно. Но не то было у Вознесенских ворот. Хотя в темноте ночи ничего не было видно в садах, но гул многих голосов доказывал, что неприятель тут.

Александр и Бутлер не сходили со стены.

– Скверное положение, – сказал Бутлер Александру, – я ехал сюда строить корабли, а вместо того приходится сражаться, и с кем же? Со Стенькой!

– Не умели прошлый год сдержать его, так теперь и приходится расплачиваться, – отвечал Александр.

«Нет, вот что скверно: не успел я убежать вчера со Страусом!» – жалел Бутлер и сказал вслух:

– За садами-то ничего не видно.

– Я говорил, что нужно вырубить их – не послушали, понадеялись на воду, да не успели провести ее в сады, – отвечал Александр.

Была уже ночь.

В другой стороне города, откуда не ждали приступа, стояли иностранцы Бойль и Видерос и начальник стрельцов Красулин. Казаков вовсе не было видно с этой стороны. Видерос, утомившись ожиданием, закурил трубку и подошел к Бойлю. Англичанин в это время разговаривал со старшим пушкарем Томилой.

– Смотри карашенько, – говорил он пушкарю, – как только завидишь казаков, тотчас пали.

– Знать, с нашей стороны приступа не будет, – сказал Видерос.

– Подождем, – хладнокровно отвечал англичанин.

– Во всяком случае, здесь не будет, а, видно, в другом месте, – продолжал Видерос.

– А я думаю, что именно здесь будет приступ, – отвечал Бойль. – Но скажи, что ты думаешь о стрельцах?

– Думаю, что опасения напрасны и они будут драться честно, – отвечал Видерос.

– Гм! – проговорил англичанин. – А я думаю, напротив, в особенности не доверяю рвению Красулина. Посмотри, вон он опять едет вдоль линии.

Действительно, показался пегий конь Красулина, и он, остановясь у отряда стрельцов, которыми командовал Бойль, что-то вполголоса говорил.

– Ступай на свое место, капитан, – сказал англичанин, – я жду чего-то недоброго.

– Что, старшина? – сказал Бойль, подходя к Красулину.

– Говорю, отдохнуть можно, приступа, верно, не будет.

– Ну, это дело начальника отряда, – упорствовал Бойль, – и я жду приступа.

Раздался выстрел со сторожевой башни.

– А, вот и приступ, – сказал Бойль. – К делу! – И он проворно взошел на стену.

Сквозь редешую уже ночную мглу можно было рассмотреть густые толпы казаков, направлявшихся к стене.

– Пали! – скомандовал Бойль.

Прогремел выстрел. То пушкарь Томило выстрелил в казаков. Остальные пушкарки не последовали его примеру.

– Это что, измена? – кричал Бойль. – Палите! – обернулся он к своим пушкарям и стрельцам.

– Как бы не так, – отвечали стрельцы.

Хладнокровный англичанин совершенно растерялся.

Казаки подошли к стене, уже подставили лестницу, а стрельцы и посадские и не думали защищаться...

Бойль все это видел. Он пытался направить орудие, подхватил брошенный пушкарем фитиль, но вдруг почувствовал, что кто-то его ударил в спину. Он обернулся – и фитиль выпал из его рук. За ним стояло трое стрельцов с ножами. Броня спасла полковника от удара, нанесенного одним из них. Бойль обнажил свою шпагу и начал защищаться. Только раздался звон оружия, как и другие стрельцы бросились на Бойля. Закипела рукопашная схватка. Полковника защищало только с десяток иностранцев и несколько пушкарей. О спасении стены нечего было и думать: там уже распорядился Красулин, а стрельцы и посадские помогали казакам взлезать на стену. Бойль бросился к своей лошади, удары сыпались на него. В него кидали камнями, но он успел вскочить на лошадь и поскакал к Вознесенским воротам.

Видерос, собрав своих корабельных мастеров, заперся в башне, но его скоро убили свои же солдаты, а затем пристали к мятежникам.

У Вознесенских ворот все было тихо до тех пор, покуда туда не прискакал Бойль. Страшно было взглянуть на него: все лицо его было покрыто кровью. Он подскочил к Бутлеру и передал ему ужасную весть. Бутлер сообщил об этом князю Михаилу Семеновичу.

Князь был совершенно ошеломлен известием о предательстве.

Александр вскочил на лошадь и поскакал к воеводе, за ним последовал и молодой Прозоровский.

Воевода стоял недалеко от ворот.

Когда Александр подскочил к воеводе, тот выслушивал стрельца, присланного Красулиным, который докладывал, что все благополучно.

– Казаки взяли стену, где стоял Бойль, стрельцы и посадские изменили, Бойль сейчас прискакал оттуда, – сказал Александр.

Если бы громовая стрела пролетела мимо ушей воеводы, он, верно, не так бы побледнел, как при этом сообщении.

– Но вот посланный Красулина говорит другое, – твердил он, хватаясь как утопающий за соломинку и желая, хоть на минуту, отсрочить страшную весть.

– Красулин сам изменил! – отвечал Александр.

Между тем казак, посланный Красулиным с целью успокоить воеводу, ускакал.

– Боря, мы погибли! – с отчаянием сказал воевода сыну.

На другой стороне города послышались пять выстрелов один за другим, потом все стихло.

– Ясак на сдачу! – раздался крик в войске, и несколько отрядов стрельцов повернули в ту сторону, откуда слышался призыв.

Воевода видел и слышал все.

– Боярин, стрельцы изменяют, – выдохнул, подскакав к воеводе, Фрол Дура.

– Вижу, – отвечал воевода.

– Позволь, воевода, ударить на них с моим отрядом, – сказал Фрол, – они, может быть, вернуться.

– Делай как знаешь.

Фрол развернулся, чтобы погнаться с своими стрельцами за перебежчиками.

– Стой, Фрол Алексеевич, – подошел один стрелец, схватив за повод его лошадь, – вернись назад или спасайся – тебя убьют.

– Что ты говоришь, пусть убьют казаки, на то и бой! Не убьют же меня свои стрельцы? – отвечал Фрол.

– Они-то и убьют. Приказ от Красулина тебя убить после ясака, – отвечал стрелец.

В это время один из его стрельцов, схватив свою пищаль, выстрелил в Фрола. Пуля пролетела около самого уха пятидесятника.

– Видишь, – остерег стрелец, – спасайся.

Фрол не боялся смерти, но ему хотелось подороже продать свою жизнь. Он скомандовал отряду остановиться, но остановилась только половина, остальные ускакали.

Вне себя от бешенства он вернулся к воеводе, ведя за собой два десятка конных стрельцов.

Воевода послал к брату, чтобы тот немедленно соединился с ним. Сам же он также двинулся к Вознесенским воротам. Позади слышался шум. Рать убавлялась с каждым шагом. Стрельцы разбежались по сторонам. Наконец, подойдя к воротам, воевода увидел, что и там не лучше: иностранцы, дворяне, подьячие и несколько стрелецких офицеров выдерживали осаду от стрельцов и посадских, толпясь около князя Михаила Семеновича.

Бутлер и князь Михаил Семенович все еще кое-как держались у ворот. Но вот раздался выстрел – и князь Михаил Семенович упал. Подбежавший стрелец выстрелил в него в упор. Пошла рукопашная свалка.

– Покуда я жив, ты не умрешь, – поклялся Фрол.

Стало светать.

Со стороны города валила густая толпа стрельцов и посадских. Их вел сам Красулин. Небольшому отряду воеводы трудно было устоять против такой массы, но бежать было некуда, позади была ограда собора, а впереди и по бокам – смерть. Александр с отрядом Фрола Дуры и несколькими дворянами и Бутлером смело бросился на атакующих и немного задержал их. Нестройная толпа разорвалась – и Фрол, Бутлер и Александр с отрядом очутились позади толпы. Обернувшись, они видели, как остальные защитники воеводы кинулись в собор. Они видели, как один посадский налетел на воеводу и ударил его копьем. Александр с Фролом собрали стрельцов и бывших с ними дворян и вновь пошли на толпу, вновь прорвались сквозь

нее, но, оглянувшись, увидели, что защитников осталось еще меньше: только Виовский, Фрол с десятью стрельцами, несколько дворян и Бутлер. Остальных поглотила толпа.

Воевода лежал раненый, перед ним стояли холоп, старик Васька, и сын его Борис. Защитники сомкнулись около воеводы, и старый холоп, некогда нянчивший князя, взял его на руки и отнес в собор. Защитники встали у дверей. Но много ли их было? Всего двадцать человек.

Дальше ограды толпа не пошла, она еще не решалась биться там, где вчера молилась. Защитники перевели дух.

Скоро Александра позвали в собор.

Воевода, лежа на ковре, сказал ему:

– Надень стрелецкий плащ: тебя не все знают. Дойди до митрополита и попроси его сюда. Затем спасайся, боярин, как знаешь, а я уж умру здесь.

Александр вышел.

В ограде шло совещание.

– Что же мы будем делать? – спросил Виовский Фрола.

– Умрем, – отвечал неустрашимый молодой человек.

– Зачем умирать, коли есть средство спастись? – отвечал Виовский.

– Что ж, беги, я тебя не держу, – насутился Фрол. – Кто хочет умереть со мной, у дверей святого храма, – сказал он, обращаясь к защитникам, – оставайтесь, а кто не хочет – уходите, я и один защищать буду. – И он обвел своими черными глазами защитников.

– Мы с тобой, – отвечали четыре стрельца, два дворянина и два стрелецких десятника. Бутлер и Виовский с остальными ушли.

Александр, накинув плащ Фрола и взяв брошенную им в ограде лошадь, через заднюю калитку выехал из ограды.

У дома митрополита все было тихо. Мятежники еще не нападали на дома. Проворный служка скоро доложил митрополиту о гонце воеводы. Митрополит сам вышел на крыльцо.

Выслушав страшную весть, старец возвел глаза к небу.

– На Тебя единого вся надежда, – сказал он. – Ты, отец Федор, и ты, Петр, – продолжал митрополит, обращаясь к сопровождавшим его ключарю Негодящеву и писцу Злотареву, – идите в палаты воеводы и перевезите княгиню с сыном сюда, ко мне, а я пойду в собор и сейчас вернусь.

И старец один пошел к собору. Александр хотел ехать следом за ним.

– Гряди с миром и спасайся сам, мне проводников не нужно, – сказал митрополит, – теперь оружием не спасешься. – И он оградил крестным знаменем Александра.

«Все погубло, – подумал Александр, – остается одно – спастись», – и помчался к своей квартире.

– Что ж, я не бежал с поля битвы, я не изменник, – говорил он сам с собой, – воевода сам меня уволил. Конечно, можно было умереть подобно Фролу, но к чему приведет эта безумная храбрость? Я могу еще быть полезен, уехав из Астрахани, я сообщу весть верховым городам. Это будет гораздо лучше и полезнее, чем защита собора.

Проворно вбежав в незапертые двери, он встретил Ивана.

– Беда, Ваня, – сказал он, – воевода убит, стрельцы изменили, осталось одно – бежать, подавай скорее казацкое платье.

– Да как ты проберешься, боярин? – ворота заперты.

– Их скоро отопрут, – отвечал Александр, быстро надевая казацкий казакин и привешивая саблю.

Через десять минут Александр совершенно преобразился. Это был не драгунский подполковник, а казак. Борода была острижена и длинные усы падали на грудь. За узорчатый пояс были заткнуты два пистолета в серебряной оправе. Длинная казацкая сабля звенела по полу. Высокая баранья шапка с красным верхом ухарски надета набекрень.

– Кажется, все, – сказал он. – А ты что же не одеваешься? – обратился он к Ивану. – Я добыл и третью лошадь.

– Мне-то почто же, боярин, меня не тронут, я не боярин.

– Но ты убежишь с нами.

– Нет, боярин, я останусь, там, на стругах, слышь, царевич сам приехал, так надо взглянуть на царевича, послужить и ему, батюшке.

– Так ты хочешь перейти к Стеньке? Вот не ожидал! Остается одно, выдай уж меня ворами, – с горечью сказал Александр.

– Боярин, я твоею милостью доволен и тебя не продам ни за что. Я все сделал для тебя и готов помогать, но супротив царевича идти воевать не хочу, – с чувством проговорил Иван.

– Так тебе можно еще верить и приказывать, Ваня?

– Можно, боярич, я готов тебя спасать.

– Так вот полное казацкое платье и вооружение, возьми его, захвати еще два кобеняка – и пойдем к панне Анжелике, а после я тебя держать не буду.

– Идем, боярин, – отвечал Иван.

– Ну, едем, лошадей запри на всякий случай, да где хо-зьяин?

– Не знаю, он ушел.

Они вышли.

Заря тонкой полоской загорелась на востоке. Как хороша летняя утренняя зорька, но не на радость занималась она над Астраханью. Астраханцы не спали эту ночь, но ни один из них не любовался утренней зарей – не до того было. Жители, которым нечего ждать добра от казаков, бежали в соборную церковь или хоронились дома; но это было ненадежно. Соборная церковь обещала также мало спасения: защищал ее только Фрол, но «на людях и смерть красна», говорит пословица, и русский народ крепко держится этой пословицы...

На дороге Александру постоянно попадались бегущие люди. Некоторых он знал. Но его никто не мог узнать. Многие, увидев форму казаков, бросались в сторону.

– Господи! Уж казаки в городе, – слышалось ему.

Боярский сын Лихачев бежал рядом со своей молодой женой. Они наткнулись было на Александра, но со страхом бросились в сторону.

Бежал во всю прыть подьячий, а за ним три женщины – две взрослые и одна почти девочка.

– Леонтьевич! Леонтьевич! – кричала одна женщина постарше. – Где хозяин-то мой?

– При воеводе, – отвечал подьячий.

– А воевода где?

– В соборе, – отвечал на бегу подьячий и, увидя казаков, одним прыжком отпрыгнул на середину улицы. За ним бросились и женщины. Это было семейство дьяка Табунцева – жена и две дочери.

«Все погибнут», – подумал Александр. Он почему-то надеялся, что он и Анжелика не погибнут. По крайней мере, так ему хотелось думать.

Попадались ему и стрельцы.

– Здравствуйте, братья! – кричали некоторые из них. – Скоро ли сам-то, Степан Тимофеевич, будет?

– Скоро, – отвечал Александр.

Но вот и дом Алексея Симонова. Ворота заперты. В доме тишина.

«Боже, быть может, ее уж нет здесь. Где я ее найду?» – подумал Александр и бросился через забор.

– Боярин, не лазай, опасно, как бы не зашибли со двора, – подсказал тихонько Иван. – Лучше пойдем задворками, через огород переберемся, там забор невысок, дорога знакомая.

– Пойдем хоть через ад, – отвечал Александр.

Пройдя через огород, они вошли на двор и вбежали на высокое крыльцо. Двери были заперты. Иван начал барабанить в окно избы.

– Кто там? – отвечал голос приказчика Василия.

– Я, слуга боярина Артамонова, отопри скорее, – отвечал Иван.

Двери отворились, приказчик Василий, увидя двух казаков в полном вооружении, бросился в угол.

– Казаки! С нами крестная сила! – шептал он.

– Не бойся, – успокоил его Иван, – казаки ряженные, или не узнал меня?

Приказчик успокоился.

– Дома боярышня? – спросил Александр.

– Не знаю, у нее свои люди, про то Ян знает.

– А где он?

– Там, в ихних теремах.

– Кричи, чтобы отпер скорее.

Ян знал голос Василия, и двери были отперты, но, увидя казаков, Ян тоже испугался.

– Не бойся, Ян, это я, Артамонов, – сказал Александр. – Где панночка?

– Там, у себя, в светлице. Все разбежались, только я да Ядвига остались дома, – отвечал Ян.

Александр, не дожидаясь свечки, бросился наверх. Он тихонько отворил дверь светлицы.

Пани, в белой кофточке, с распущенными волосами, стояла на коленях перед иконою Мадонны, у которой теплилась лампада. Она тихо шептала молитву, скрестив на груди белые руки.

«Ангел, – сказал про себя Александр, – тебе ли погибать под ножом казаков... Нет, во что бы то ни стало я должен тебя спасти!»

Анжелика обернулась и вскрикнула, увидя перед собой казака.

– Это я, Анжелика, – сказал Александр. – Я пришел, чтобы тебя увезти. Не правда ли, я хорош в казацком наряде?

Анжелика встала и подошла к нему.

– Ну, что там? – спросила она.

В нескольких словах рассказал ей Александр обо всем и прибавил:

– Теперь одно спасение: одевайся в казацкое платье – и бежим отсюда.

– Но как бежать, когда везде казаки? – грустно говорила она. – Нас все равно убьют.

– Я все предвидел заранее: я приготовил казацкое платье и лошадей. Мы переоденемся. Пробудем до утра в городе. Теперь идет суматоха, нас не приметят, скорее бросятся на наши квартиры и будут дуванить наше имущество. А утром, когда все ворота будут отперты, мы уйдем.

– Делай как знаешь, – отвечала Анжелика с детской покорностью и со слезами на глазах.

Александр схватил ее за руку.

– Анжелика, – сказал он, – я все готов сделать для тебя. Быть может, мы и погибнем сегодня, но ты не погибнешь прежде меня. Знай, Анжелика, что до сих пор люблю тебя по-прежнему.

– Благодарю тебя, Александр Сергеевич, за то, что не забыл меня в эту минуту, – с чувством сказала Анжелика, пожимая его руку. – А о любви говорить теперь не время. Когда пройдет опасность, поговорим об этом.

– Но, Анжелика, позволь хоть поцеловать твою руку. Через полчаса мы оба будем казаками и будет не до нежностей.

– А завтра мы будем за городом, на свободе, – отвечала Анжелика с грустной и обворожительной улыбкой.

С улицы доносился шум. Александр вспомнил об опасности и погасил лампаду. В комнате было почти светло от занявшейся зари.

– Одевайся скорее, Анжелика, твой наряд я сейчас пришлю с Ядвигой. – И он сбежал вниз.

Пришла Ядвига с казацким платьем.

Красавица сбросила с себя кофточку и башмаки и принялась одеваться в казацкий наряд. Казацкий наряд ловко сидел на ней. Казакин алого сукна туго охватывал ее стройный стан, но пышная грудь выдавала женщину. Длинные темно-русые волосы волною падали на плечи.

Взглянув на себя в зеркало, Анжелика грустно молвила:

– Точно на карнавал собираемся.

– А как же волосы, панночка? – напомнила Ядвига.

– Позови боярича, как он скажет, – ответила Анжелика.

– Все готово, – сказала она вошедшему Александру.

– Нет, не все, нужно подпоясаться кушаком и навязать на него вот эти безделушки, – сказал Александр, показывая на трубку, кiset и нагайку.

Он сам опоясал гибкий стан красавицы персидским кушаком, причем так близко был около нее, что слышал биение ее сердца, а ее чудные волосы падали на его лицо. Прицепив к кушаку саблю, люльку и нагайку, Александр еще раз осмотрел девушку.

– Все, кажется, готово, – сказал он.

– Все, а волосы? У казака нет таких волос, ты забыл, Александр Сергеевич?

– Казака не нужно величать: я просто Александр, а ты казак Иван, или Ивашка.

– Ну, будь по-твоему, как же с волосами быть, Александр?

– Не знаю, – отвечал боярич, – не резать же их, в самом деле. Запрячь их под шапку, – казак редко скидает шапку, их не приметят.

– Нет, коли спасти жизнь – о волосах тужить нечего, волосы вырастут вновь. Поддай, Ядвига, ножницы!

– Анжелика, что ты хочешь делать? – крикнул Александр.

– Ничего, обрезать волосы, и только, – отвечала Анжелика, взмахнув своими кудрями. – А ведь хороши были волосы. Прощай, моя коса. – Она быстро начала обрезать свои волосы перед зеркалом.

– Позволь, Анжелика, взять их мне, я положу их у самого сердца, – сказал Александр, пряча волнистые пряди в боковой карман своего казакина.

Анжелика достала из шкатулки несколько золотых и серебряных монет и спрятала их в карман.

– Кажется, все, пойдем, Александр, – поднялась она, подавая руку бояричу.

– А нас убьют? – сказала Ядвига.

– Нет, вас не тронут. Прощай, Ядвига. Все, что сэкономите от разгрома, принадлежит тебе и Яну. Спасибо вам за службу. – И Анжелика, поцеловав свою горничную, в сопровождении Александра вышла из комнаты. В зале были Иван и Ян. Совсем уже рассвело.

– Иван, послужи последнюю службу, ступай сейчас домой и выведи лошадей. Мне показаться туда нельзя, хозяин меня узнает. Я подожду около ворот. Анжелика войдет на двор и, будто бы казак, отнимет у тебя лошадей. Ты, Анжелика, сыграешь эту роль?

– Ну, раз я наряжена казаком и ездить верхом умею недурно... Только не знаю, как взбе- руть на лошадь с этой саблей...

Они пошли на квартиру Александра.

Иван первый вошел на двор и стал выводить лошадей, оставив ворота незапертыми. Хозяин дома стоял на крыльце.

– А боярин твой где? – спросил он у Ивана.

– Неведомо, должно быть, в соборе, там все они схоронились, – отвечал Иван.

Вдруг в ворота входит молодой казак.

– А, лошади, да еще оседланные! – крикнул казак нежным голосом. – Подавай их сюда.

– Помилуй, атаман, лошади боярские, – взмолился Иван, – не трожь их, я отвечать за них буду.

Казак, не слушая, взял одну лошадь и вскочил на нее.

– Подавай и другую, – сказал он Ивану.

– Посмотри, хозяин, берут обоих коней, – завопил Иван, обращаясь к хозяину. – Вот беда, от казаков житья нет.

Хозяин молча ушел в избу.

Молодой казак отобрал и другую лошадь и повел за ворота.

За воротами толпился народ. Пешеходы-стрельцы, казаки и посадские люди шли от собора и в собор. Много шло всякого люда по улице, не видно было только бояр, приказных и служилых людей.

Неподалеку от ворот молодого верхового казака с другой лошадью встретил второй казак, с длинными усами.

– Откуда раздобыл коней, Ивашка? – крикнул он молодому казаку.

– У боярина какого-то отобрал, – отвечал тот.

– Уступи одного коня мне?

– Изволь, бери.

Длинноусый казак вскочил на лошадь, и оба поскакали по улице.

– Сейчас выехать нам из города нельзя, – сказал Александр, когда они въехали в глухую улицу города и остановились у небольшой избы, выходящей окнами прямо на улицу.

Александр начал барабанить в ворота, ответа не было.

– Гей, кто там? Пускай казаков на квартиру, – закричал Александр.

Вышел старик посадский.

– Что нужно вам, атаман? – спросил он слабым голосом.

– Пускай на квартиру, мы не атаманы, а казаки, атаманы на большой улице стоят. Мы тебя не обидим.

Старик отпер ворота.

– Давай особую избу.

– Фатеру то есть? Изволь вот в переднюю иди: там никого нет. Когда был жив сын, то он жил, а теперь пусто.

Лошадей убрали под навес не торопясь, чтобы не вызвать подозрения, а сами вошли в переднюю избу.

На восходе солнца въехали еще три казака.

Александр вышел им навстречу. Превосходно разыграл он перед ними казака, даже выругал хозяина за то, что горилки до сих пор не дает, и сказал, что квартира занята пятью казаками.

Казаки уехали.

– Теперь отдохни, Анжелика, а часов в восемь мы выедем из города, – сказал он.

Анжелика бросилась на лавку и закрыла глаза. Не до сна было в эту минуту, но она устала и была взволнована, и если не сон, то отдых был ей необходим.

VI

Белый клобук митрополита резко обозначался среди бегущего по улицам разного люда. Все давали дорогу святителю. Мятажные стрельцы и посадские не смели ни словом, ни делом оскорбить его.

Когда он пришел в собор, там было уж много народа. Все толпились ближе к иконостасу, как бы прося защиты у святых икон.

Князь Прозоровский, этот важный вельможа, окруженный громадным войском и царскою пышностью, теперь лежал беззащитный на полу собора. Перед ним стояли его сын Борис и верный слуга Васька. Раненный в живот воевода очень страдал, но был в полном сознании. Дьяк приказной избы Табунцев стоял около левого клироса, возле него жались только что прибежавшие в собор его жена и две дочери. Рядом с ними стоял другой дьяк, Фролов с женою, державшей на руках грудного ребенка.

Два стрелецких старшины, Полуэктов и Соловцев, стояли у правого клироса с своими семьями. Они были в полном вооружении.

Старушка, мать помощника дьяка Федорова, опираясь на костыль, стояла перед иконою Богоматери и складывала свои сухие пальцы, крестилась на иконы. Она забралась с другими стариками и старухами в собор еще с вечера. И что ей было делать дома? Ее единственный сын ушел с ратью воеводы, а ей оставалось только молиться.

В другом углу толпились жены и дети иностранцев. Тут была и жена Ружинского с двумя маленькими сыновьями. Она в отчаянии ломала руки и плакала. Все вторили ей. Только одна женщина, средних лет, высокого роста, с бледным лицом, окутанная в плащ нерусского покроя, не падала духом и ободряла других.

– Чего нам плакать, – говорила она, – мы уже потеряли все! Наши братья и мужья умерли, наше состояние уничтожено, нам остается только хладнокровно ждать смерти.

Это была жительница холодного севера, дочь Альбиона, жена англичанина Бойля.

Старый боярин, Петр Васильевич, сидел на полу, недалеко от воеводы. Горячие слезы падали на его седую бороду. Он плакал не о себе, он плакал потому, что дома осталась семья, а дом был далеко, в той части города, откуда начался бунт, он не может пойти туда, чтобы умереть, защищая свою семью. Он ранен в ногу. Остается плакать и молиться.

Митрополит обнял воеводу и сам заплакал, прильнув седой головой к его груди.

Он не утешал воеводу, утешать было нечем, он только пришел разделить с ним горе и приготовить его к смерти. Он исповедал и причастил воеводу.

– Отче, тебе поручаю свою семью, – сказал воевода митрополиту.

– Княгиня уже у меня, – утешал митрополит.

– Благодарю, – отвечал воевода. – Борис, – продолжал он, обращаясь к сыну, – иди со святителем к матери.

– Я останусь около тебя, встану в дверях с Фролом и буду биться, – сказал Борис.

– Иди, успокой мать, это моя воля. – И воевода благословил и поцеловал сына. Слезы отца и сына смешались.

– Вася, иди и ты к княгине, – сказал воевода холопу.

– Позволь, боярин, остаться около тебя, – отвечал верный слуга.

– Нет, уж мне не нужно ничьих услуг, и меня спасти никто не может, а там ты будешь полезен княгине: спасай и береги ее и детей, если можно. Иди: это последняя моя воля. – И гордый воевода поцеловал своего холопа.

Плача навзрыд, Борис и старик последовали за митрополитом.

Выйдя на крыльцо собора, митрополит взглянул на защитников.

– Только-то вас? – проговорил он с грустью.

– Только, – отвечал Фрол и, склоняясь на колени, попросил благословения.

Другие защитники последовали его примеру.

– Да будет над вами мое и Божие благословение, – сказал митрополит, ограждая крестом голову каждого. – Вы поступили как честные воины, вы до конца хотите защищать церковь. Я буду молиться за вас. Да поможет вам Господь и пошлет венец в своем царствии.

Уже совершенно рассвело.

Передовой казачий отряд подъезжал к собору. Фрол с защитниками стоял в дверях. Казаки подошли к воротам. Фрол с товарищами выстрелили – и пятеро казаков упали мертвыми.

– Ага! Вы еще защищаться! – крикнул начальник казаков Черноярец. – Вперед, за мной, покуда они не зарядили ружей! На саблю!

Под церковными сводами, где вчера только раздавалось хвалебное псалмопение и с верою молились астраханцы, началась рукопашная резня. Недолго она продолжалась: скоро все защитники легли на месте, один только неустрашимый Фрол еще рубился. На нем была кольчуга – подарок воеводы, и он храбро отражал атаки казаков.

– Стой! – закричал казак Топорок, есаул Уса. – Отойдите, казаки, я его из пищали прихлопну.

Казаки отступили. Топорок схватил пищаль и взвел курок.

– Стой! – закричал Черноярец. – Разве у вас в воронежских лесах такой порядок? Он храбрый воин, – сказал он, указывая на Фрола, – и драться с ним казаки будут один на один, иначе я не позволю. Не бабы мы, чтобы толпой нападать на одного.

– Послушай, смельчак! – обратился Черноярец к Фролу, который, судорожно сжав в руках свой меч, стоял, опершись спиной о дверь. – Сдавайся, ты один не устоишь. Сдайся, и за твою храбрость я обещаю тебе именем атамана жизнь и чин есаула: такие храбрецы нам нужны.

– Не купишь меня, – отвечал Фрол. – Вы не пройдете в церковь, не перешагнув через мой труп!

– Пусть будет так, коли тебе охота. Ну, друзья, на единоборство! – призвал Черноярец своих казаков.

Крайний казак кинулся на Фрола, но повалился мертвым. Бросился Топорок, но скоро отскочил, раненный в руку. Бросился один стрелец, но, раненный, отбежал прочь и повалился в оgrade.

– О, да это ловкий воин, – заключил Черноярец. – Дай я сам попытаю. – И он с длинной саблей бросился на Фрола.

Два льва сошлись. Два ловких воина скрещивали свои мечи. У обоих были свои выгоды: Фрол был в кольчуге, но с коротким мечом, Черноярец без кольчуги, но с длинной саблей. Бойцы были равные: оба неустрашимы, оба храбры, оба жизнь ценили ни во что. Минут пять продолжалась битва.

Черноярец не мог разрушить брони, Фрол не мог достать его коротким мечом. Но вот Фрол уже поддается, и сильнее напирает Черноярец. Кольчуга Фрола ограждала его от сабельных ударов, но с непривычки сильно утомляла своей тяжестью и не позволяла действовать с такой ловкостью, с какой действовал Черноярец. Вдруг Фрол, не выпуская из рук меча, упал на одно колено. Черноярец ранил его в ногу, не защищенную броней. Этого момента было достаточно ловкому казаку, чтобы ударить саблей по голове, и неустрашимый защитник собора упал мертвым.

– Вот как сражаются казаки, – сказал Черноярец. – Я ранен, возьми себе панцирь, мне он не нужен, – обратился он к одному казаку.

Казак громадного роста бросился к Фролу и начал снимать с него доспехи.

В соборе слышали битву у церковных дверей. Все трепетали.

Но вот битва прекратилась, ломают двери.

– Верно, убили всех, – сказал кто-то, стоящий ближе к входу.

Вот уже сломаны двери собора, осталась одна решетка, сквозь нее видны казаки.

Все бывшие в церкви бросились ближе к иконостасу, они не надеялись спастись, но хотели, по крайней мере, умереть не первыми. Обезумевшая от страха толпа чуть было не смяла лежавшего среди собора воеводу.

Грянули выстрелы сквозь решетку дверей; одна пуля по-пала в икону Богоматери, а стоящая перед иконой старушка со страху упала без чувств на пол. Другая пуля попала в ребенка, которого держала на руках жена дьяка Фролова. Ребенок вскрикнул и вытянулся всем телом: его убило наповал. Мать также упала от страха.

– У кого есть мечи, защищайте церковь! – раздался громовой голос боярина Петра Васильева. Он силился подняться, но раненая нога опухла и отказывалась служить. Но его никто не слушал, хотя в церкви было до полусотни мужчин, способных к бою и вооруженных. Все прощались с своими семьями и обнимали детей.

Но решетка разломана – и казаки ворвались в собор. Никто не защищался.

– Вяжи их! – раздалась команда Черноморца.

Но довольно об ужасах около собора... Скажем только, что все искавшие спасения в соборе были убиты. Убитых около собора было четыреста сорок один человек.

Посмотрим, что делается в других концах города.

Еще не вся Астрахань была во власти Разина: оставалось два пункта, не занятых казаками. Персидский посол Абдул Насыр-хан с своей свитой отсиживался еще в одной из башен города. К нему примкнули все персияне, жившие в Астрахани: они знали казаков и их проделки в Дагестане и Персии и решились отсиживаться, куда есть возможность. С ними был и купец Ахмед-мулла, переводчик, служивший при посольской избе, подьячий Наум Колесников и брат Земиры – Шабынь-Дебей. Всего было до сотни человек.

Фрол Разин и Шелудяк повели казаков на приступ. Башня была хорошо укреплена. После нескольких выстрелов с той и другой стороны Шелудяк предложил персиянам сдаться.

На переговоры вышел старик Ахмед-мулла.

– Силы у вас достаточно, – сказал Шелудяк, – башня крепка, но вы не сможете устоять. Мы подожжем башню или голодом вас морить станем – лучше сдавайтесь.

Старик выслушал и молча удалился.

Положение осажденных осложнялось тем, что среди них были женщины и русский чиновник – их друг, но с точки зрения казаков – предатель. Персияне решили на крайний случай откупиться немалыми деньгами, но выйти все вместе. Русский чиновник им был необходим как свидетель их несчастий и притеснений со стороны казаков на тот случай, если придется бежать в глубь России, ведь путь на юг, в Хвалынское море, был отрезан.

Собрав достойную сумму, осажденные запросили к себе русского толмача.

Посланный ушел на совет и, воротившись через полчаса, объявил, что Абдул Насыр-хан готов сдаться на тех условиях, чтобы никого из них казаки не тронули и чтобы русский подьячий Колесников тоже был отпущен.

– Подьячему смерть, – выкрикнул Шелудяк.

– Вас не тронем, – отвечал Фрол Разин, – но подьячего уьем.

– Атаман, отпусти подьячего, – сказали находившиеся в отряде стрельцы и посадские, – он хороший человек, никому обиды не делал.

– За нас стоял, – подтвердили другие.

– Мы им много довольны, – кричали третьи.

– Что делать, старшина? – спросил Фролка Шелудяка.

– Твоя воля, атаман, – отвечал Шелудяк, – коли просят за него сами жители, то, пожалуй, оставь его.

– Ну, я помирю вас, – засмеялся Фролка.

– Пусть и подьячий будет жив, но пусть оставит здесь всю одежду и идет домой нагишом.

Все казаки захохотали: им понравилась такая проделка.

Переговоры окончились, стороны пришли к согласию о капитуляции, позвали попа. Фролка и Шелудяк приложились к кресту на глазах персиян.

Башня была сдана, и персияне пошли по своим квартирам, а подьячий Колесников, при общем хохоте, нагой побежал домой. В то время как он бежал мимо Ахмед-муллы, старик бросил ему свой верхний халат, и он, завернувшись в ткань, мирно дошел до дому.

В другой, пыточной башне было не то. Там засели черкесы князя Каспулата Муцановича с своим предводителем Казан-беем, родственником князя – молодым горцем. Тут же было несколько пушкарей, в том числе и Томило. Всего было десять человек.

Васька Ус отправился добывать башню. Черкесы сражались как львы. Ни один их выстрел не пролетал даром, и много лежало казацких и стрелецких трупов возле башни. Казаки хотели пустить в дело бревно, чтобы выбить дверь, но Казан-бей велел стрелять в тех, кто нес бревно.

Взъярился Ус и велел стрелять в окна. До полудня продолжалась перестрелка.

У защитников было много пороха, но не хватило пуль.

– Заряжай деньгами, – сказал Казан-бей, высыпая из мешка серебряные монеты. И монеты полетели вместо пуль. Попадет монета ребром – уходит вся, попадет плашмя – отскакивает рикошетом. Но и деньги все кончились.

– Пойдем направо, – сказал Казан-бей, – выйдем из города, хоть не все, а там – что Аллах даст.

Стрельба затихла. Двери башни отворились, и все черкесы с криком «Алла!» кинулись через толпу казаков. Последовал залп из всех ружей разом. В рядах сделался коридор; черкесы, закинув ружья за плечи, саблями бросились прочищать дорогу. Казакам нельзя было стрелять в них, они могли убить своих. Ловко рубились черкесы, но сила одолела. Пушкари были убиты прежде: они не могли так ловко отбиваться. Четверо черкесов во главе с Казан-беем пробились сквозь толпу и побежали по улице, но тут грянули казацкие ружья – и они упали замертво.

Теперь вся Астрахань была в руках казаков.

VII

Капитан Бутлер после бегства своего из собора с Виовским поторопился на свою квартиру. Там он наскоро выкрасил себе бороду, подвязал щеку и переоделся в рваный кафтан простого рабочего.

– Если стану прятаться, будет хуже. Меня здесь немногие знают, и я буду шляться по улицам, покуда не убегу. Это будет безопаснее, – рассуждал он. Вышел и пошел бродить по улицам Астрахани.

Толпа народа валила к Ямгурчеву-городку. Бутлер отправился туда же.

Много возов, навьюченных разным добром, тянулось к Ямгурчеву-городку. Туда везли и награбленное в воеводских и боярских хоромах добро, и товары из лавок и с дворов: бухарского, персидского и индийского. Казаки собрались там дуванить награбленное добро. Каждая сотня стояла отдельной кучкой. С казаками стояли и стрельцы, они также участвовали в дуване. Посадские и холопы стояли особо. Бутлер встал с ними.

Все привезенное добро сортировалось в три кучи. Разин сам был при дележе.

– Братья атаманы, – говорил он, – будем теперь дуванить взятое в честном бою добро бояр и купцов. Первая куча пусть идет в войсковой скарб, на нужды войска, вторая казакам, а третья – стрельцам. Делите по жребию, никого не обижайте. Самому мне ничего не нужно.

– Зачем обижать, – отвечали казаки.

– Ну, начинай дуван, – скомандовал Разин.

Начался дележ. Кто без спора брал по любви, кто спорил – тому кидали жребий.

Первая вещь была шуба воеводы, когда-то взятая им у Разина.

– Кому шубу? – закричал Черноярец, заведовавший дележом.

– Шубу эту уступите мне, атаманы, – сказал, выступя вперед, Красулин.

– Ему, что ли? – спросил Черноярец.

– Ему, ему! – кричали стрельцы.

– Вот перстень с руки воеводы, вещь тоже хорошая, его нужно отдать второму молодцу по голове. Кому выдать? – сказал Черноярец.

– Филатке Колокольчикову! – закричали стрельцы.

Филатка натянул перстень с алмазом на свою заскорузлую руку.

Бутлер смотрел на дележ. Он видел много дорогих и подчас знакомых ему вещей, щедро раздаваемых казакам и стрельцам. Он увидел, как один из стрельцов схватил его собственную лисью шубу. Не вытерпел этой обиды строптивый голландец, ушел в город и забился на ограбленный персидский двор.

На другой день поутру Бутлер, боявшийся зайти на квартиру и ночевавший на персидском дворе, вновь пошел бродить по улицам.

– Что ты не идешь за город, там Степан Тимофеевич волю казацкую всем дает и к присяге приводить будет, – крикнул Бутлеру проходивший посадский Прохоров. Бутлер пошел за ним, боясь показать вид, что он не рад казацкой воле.

На пустыре у города была громадная толпа народа. Казаки и стрельцы, соблюдавшие порядок, расставляли посадских кучками.

– Каждая улица становись отдельно, – командовали казаки.

Бутлер примкнул к одной кучке.

– Ты не с нашей улицы, – закричал на него посадский.

– Я кабальный лямочник из Саратова, – отвечал Бутлер.

– Ну, коли так, становись где хочешь, – решил распорядитель-казак.

– Едет, едет! – заревела толпа. Народ всколыхнулся. Показались всадники на великолепных конях. Впереди – два есаула, за ними сам Разин, с бунчуком, знаком атаманского достоинства в руках. За ним ехали Васька Ус, Черноярец, Каторжный, Шелудяк и другие старшины и есаулы. Наряд их блестел золотом. Народ поклонился Разину до земли.

Разин взошел на устроенное для него возвышение. Есаулы взошли за ним. Терский держал в руках что-то завернутое в красное сукно. Держа в руках бунчук, Разин выступил вперед. Есаулы встали позади него.

– Братья, – сказал громко Разин, – отныне вы все свободные казаки. Выбирайте себе атаманов и старшин, сотников и десятников. Кого хотите в атаманов, братья?

– Тебя, тебя, Степан Тимофеевич! – ликовала двадцатитысячная толпа.

Разин улыбнулся и махнул бунчуком. Все смолкли.

– Мне нужно еще идти в другие города, – сказал Разин, – нужно освободить Симбирск, Казань и Москву. Я не могу остаться здесь. Если вы не знаете, кого выбрать в атаманов, я вам предложу моего есаула, Василия Уса. Вот он! – И Разин указал на выступившего вперед Уса.

– Уса, Уса хотим! – закричали казаки, а за ними и вся Аст-рахань.

Разин махнул бунчуком. Наступило молчание.

– Теперь ты астраханский атаман, живи и атаманствуй долголетно, – сказал Разин Усу.

Ус снял шапку и поклонился народу, а потом Разину. Разин взял из рук Терского сверток и развернул его. То был атаманский бунчук.

– Вот твой бунчук, – сказал Разин, подавая его Усу.

Ус встал на колени и принял бунчук из рук атамана.

– Теперь выбирайте двух старшин, – крикнул народу Разин.

Раздались крики.

– Шелудяка! Терского! – кричали казаки.

– Красулина! Колокольчикова! – вопили стрельцы.

Но более опытные в деле выбора казаки перекричали. Их сторону приняли и посадские, по старому русскому обычаю желавшие иметь князя из чужой земли. Шелудяк и Терский были утверждены старшинами, к величайшему неудовольствию Красулина и стрельцов.

– Что вы Красулина не кричали? – толкнул один стрелец посадского, стоящего рядом с Бутлером.

– Ешь уж лучше собака, да незнамая, а знамой не поддадимся, – отвечал посадский.

Новый атаман тотчас приступил к делу. Началось деление на сотни и десятки. Бутлера причислили к десятку лямочников. К полудню кончилось деление и новых казаков заставили принимать присягу. Бутлер молча стоял в своем десятке.

Среди степи поставили до десяти аналоев с крестами и Евангелиями.

У каждого аналоя стоял священник.

– Попы, приводите казаков к присяге, – приказал Васька Ус, обращаясь к священникам.

– Давай присяжный лист, – отвечал ему соборный протопоп отец Иоанн, старик лет шестидесяти, с седыми волосами и камилавкой на голове.

Ус подал ему несколько листов писаной бумаги.

– Вот, по этому приводи, – сказал он протопопу.

Около протопопа столпились все священники.

Протопоп показал им листочки бумаги, на которых была написана присяга. После обычных слов присяги «обещаю и клянусь» значилось следующее: стоять за великого государя и за своего атамана, Степана Тимофеевича, войску казачьему служить верно и изменников выводить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.